

**РОССИЙСКОЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО**

**РОССИЙСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

том 7 № 1

Москва

2010

Российский психологический журнал

Учредитель – Российское психологическое общество

Главный редактор – д. пс. наук, профессор Зинченко Ю.П.

Редакционный совет

д.пед.наук, проф. Акопов Г.В.
д.пс.наук, проф. Аллахвердов В.М.
д.пс.наук, проф. Дебольский М.Г.
д.пс.наук, проф. Забродин Ю.М.
д.пс.наук, проф. Карпов А.В.
д.биол.наук, проф. Киров В.Н.
академик РАО, д.пс.наук, проф. Климов Е.А.
д.пс.наук, проф. Леонтьев Н.И.
канд.пс.наук, доцент Магомед-Эминов М.Ш.
д.пс.наук, проф. Малофеев Н.Н.
д.пс.наук, проф. Марьин М.И.
д.пс.наук, проф. Перельгина Е.Б.

д.пс.наук, проф. Попов Л.М.
академик РАО, д.пед.наук, проф. Рубцов В.В.
член-корр. РАО, д.пс.наук, проф. Реан А.А.
д.пс.наук, проф. Рыбников В.Ю.
д.пс.наук, проф. Скрипкина Т.П.
д.пс.наук, проф. Смирнов С.Д.
д.пс.наук, проф. Черноρίζов А.М.
академик РАО, д.пс.наук, проф. Шадриков В.Д.
д.филос.наук, проф. Шкуратов В.А.
д.пс.наук, проф. Шмелев А.Г.
академик РАО, д.пс.наук, проф. Фельдштейн Д.И.

Редакционная коллегия

д.пс.наук, проф. Абакумова И.В.
д.пс.наук, проф. Асмолов А.Г.
д.пс.наук, проф. Базаров Т.Ю.
(заместитель главного редактора)
д.биол.наук, проф. Безруких М.М.
д.пс.наук, проф. Богоявленская Д.Б.
академик РАО, д.пс.наук, проф. Деркач А.А.
д.пс.наук, проф. Донцов А.А.
член-корр. РАО, д.пс.наук, проф. Дубровина И.В.

д.пс.наук, проф. Журавлев А.Л.
д.пс.наук, проф. Егорова М.С.
член-корр. РАО, д.биол.наук, проф. Ермаков П.Н.
(заместитель главного редактора)
д.пс.наук, проф. Измайлов Ч.А.
д.пс.наук, проф. Лабунская В.А.
д.пс.наук, проф. Леонова А.Б.
д.пс.наук, проф. Сергиенко Е.А.
д.пс.наук, проф. Тхостов А.Ш.
канд.пс.наук, доцент Цветкова Л.А.

Ответственный секретарь – Белугина Е.В.

Выпускающий редактор – Щербакова Л.В.

Компьютерная верстка – Кубеш И.В.

Адрес редакции:

пр. Нагибина, 13, ком. 243,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел. (863) 243-15-17; факс 243-08-05
E-mail: rpj@psyf.rsu.ru

Адрес учредителя:

ул. Ярославская, 13,
г. Москва, 129366
Тел./ факс (495) 283-55-30
E-mail: rpo@psychology.ru

Каталог Роспечати «Газеты, Журналы». Подписной индекс 46723.

Перепечатка материалов возможна только по согласованию с редакцией.

СОДЕРЖАНИЕ

Наши авторы	4	
ЮБИЛЕИ	7	
ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ		
Ермаков П.Н., Воробьева Е.В. Индивидуальная профильная асимметрия у близнецов и спектральные характеристики ЭЭГ при выполнении арифметического счета и вербально-ассоциативной деятельности	8	
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ		
Васкэ Е.В. Психическое и психологическое воздействие в уголовном процессе – к определению понятий	25	
Волков А.А. Профессиональная самореализация сотрудников милиции общественной безопасности при осуществлении транзитных функций	37	
04.10.2018	04.10.2018	04.10.2018
МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ		
Казьменкова Н.А. Особенности психологического состояния матерей лиц с патологическим влечением к азартным играм и алкогольной зависимостью	45	
Тамбиева Б.Р. Особенности психологической компетентности менеджера ресторана: опыт эмпирического исследования	48	
Гамила Мухамед Насер Ахмед Психологические последствия сексуального и физического насилия у йеменских детей 6–11 лет	54	
Пашкова А.П. Психолого-акмеологическое сопровождение молодых специалистов как фактор повышения их конкурентоспособности на рынке труда	57	
Ефименко С.В. Психолого-педагогические условия формирования мотивации иноязычной коммуникативной учебно-профессиональной деятельности в техническом ВУЗе	60	

НАШИ АВТОРЫ

Ермаков Павел Николаевич

член-корр. Российской академии Образования, декан факультета психологии ЮФУ, заведующий кафедрой психофизиологии и клинической психологии, профессор, доктор биологических наук
Служебный адрес: 344038, г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, к. 205
Служебный телефон: (863) 230-32-07
E-mail: psyf@rsu.ru

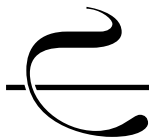
Воробьева Елена Викторовна

зав. лабораторией психофизиологии и экспериментальной психологии, профессор кафедры психофизиологии и клинической психологии ЮФУ, доктор психологических наук
Служебный адрес: 344038, г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, д. 13, к. 218
Служебный телефон: (863) 243-07-67
E-mail: pflab@psyf.rsu.ru

Васкэ Екатерина Викторовна

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат философских наук (фото возьми в РПЖ т.6 № 3)
Служебный адрес: 603950, г. Н. Новгород, ул. Ашхабадская, 4
Служебный телефон: (831) 428-90-78
E-mail: vaskeev@rambler.ru

Волков Александр Александрович

доцент кафедры общей психологии Института Дружбы народов Кавказа, кандидат психологических наук
Служебный адрес: 355008, г. Ставрополь, пр. К. Маркса, 7

Служебный телефон: (8652) 28-25-00

E-mail: idnk@mail.ru

Казьменкова Наталья Анатольевна

аспирант лаборатории клинической психологии и психодиагностики ГУ СПб НИПНИ им. В.М. Бехтерева

Служебный адрес: 192019, г. Санкт-Петербург, ул. Бехтерева, 3

Служебный телефон: (812) 412-72-00

E-mail: nkazmenkova@mail.ru

Тамбиева Белла Робертовна

аспирант лаборатории развития личности Учреждения «Институт образовательных технологий ГАН РАО, г. Сочи

Служебный адрес: 354000, г. Сочи, ул. Орджоникидзе, 10а

Служебный телефон: (8622) 62-08-29

E-mail: Siu09.ru@mail.ru

Гамила Мухамед Насер Ахмед

член Национальной программы по охране психического здоровья, Министерство здравоохранения и народонаселения Республики Йемен, Департамент Национальной программы по охране психического здоровья.

Служебный адрес: Район Алмансура, г. Аден, Йемен
Служебный телефон: +9672342611, +9672350083,
+9672384746, +9672256925

E-mail: mobh1@yemen.net.ye

Пашкова Алла Петровна

начальник сектора по работе с перспективными кадрами Таганрогской межрайонной торгово-промышленной палаты

Служебный адрес: 347900, Ростовская область, г. Таганрог, ул. Чехова, д.118-а

Служебный телефон: (8634) 32-03-14

E-mail: perspective@ticci.ru

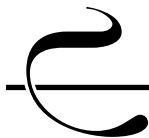
Ефименко Светлана Владимировна

преподаватель кафедры иностранных языков Таганрогского технологического института Южного федерального университета

Служебный адрес: 347900, Ростовская область, г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44

Служебный телефон: (8634) 37-14-96

E-mail: svetla-efimen@yandex.ru

ЮБИЛЕИ

Вице-президенту
Российского психологического общества,
заместителю главного редактора нашего журнала,
члену-корреспонденту РАО,
декану факультета психологии
Южного федерального университета,
доктору биологических наук,
профессору Павлу Николаевичу Ермакову – 60 лет!

Дорогой Павел Николаевич!

Редакция «Российского психологического журнала» и наши читатели поздравляют Вас с этой знаменательной датой. Ваша профессиональная и общественная деятельность всегда была направлена на благо отечественной психологической науки. Ваши труды – исследования межполушарной асимметрии головного мозга, психофизиологических механизмов высших психических функций, психофизиологических факторов оптимизации и функционирования коллективов и малых групп, психолого-педагогических проблем образования – способствовали развитию отечественной психофизиологии и инновационной педагогики.

Ваша деятельность в качестве члена экспертного совета по педагогике и психологии ВАК Минобразования РФ; члена Президиума Учебно-методического объединения по психологии университетов России вносит вклад в развитие системы российского образования.

Ваши выдающиеся организаторские способности, направленные на создание научно-практических проектов и программ, проведение международных и всероссийских конференций, создание Ростовского регионального отделения Российского психологического общества, создание и развитие «Южно-российского центра толерантности и профилактики насилия и экстремизма» способствуют объединению психологов в решении актуальных проблем современности и формированию установок толерантности в современном обществе.

Редакция «Российского психологического журнала» благодарит Вас, Павел Николаевич, за чуткое руководство и желает Вам здоровья, счастья, дальнейших творческих успехов и свершений.

Ермаков П.Н., Воробьева Е.В.

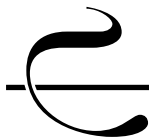
**Индивидуальная профильная асимметрия у близнецов
и спектральные характеристики ЭЭГ при выполнении
арифметического счета и вербально-ассоциативной деятельности**

Работа выполнена при поддержке аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)» («Особенности взаимодействия больших полушарий при решении когнитивных задач разного уровня»).

В работе ставилась цель выполнения оценки вклада генотип-средовых факторов в межиндивидуальной вариативности профильной асимметрии, а также экспериментального изучения ЭЭГ-коррелятов вербального интеллекта (на примере выполнения вербально-ассоциативной деятельности и арифметического счета) у близнецов с различными особенностями индивидуальной профильной асимметрии. Оценка наследуемости типа функциональной асимметрии составила 0,26, при этом существенный вклад в фенотипическую вариативность данного показателя вносит индивидуальная среда ($e^2 = 0,74$). Обнаружено, что степень выраженности у испытуемых асимметрии сенсорных и моторных и психических функций (профиль латеральной организации) оказывает влияние на мощность биопотенциалов при выполнении арифметических операций преимущественно правого полушария.

Ключевые слова: индивидуальная профильная асимметрия, ЭЭГ, спектральная мощность, близнецы, вербально-ассоциативная деятельность, арифметический счет.

Для многих исследователей сегодня весьма актуален вопрос о том, как гены влияют на поведение, при этом на основании современных работ можно с уверенностью сказать, что такое влияние осуществляется через воздействие на мозговые процессы (Апоkhin A.P., 2009 и др.). Последние выступают в качестве эндофенотипов (промежуточных фенотипов) психических функций, что позволяет связать гены и поведение [7]. В работах Ю.И. Александра показано, что при изменении алгоритма научения изменяется нейронное обеспечение данного поведения. При этом формирование нового опыта (научение) проявляется в процессах нейронального, поведенческого и молекулярного уровней. Так, на нейрональном уровне научение выражается в модификации импульсной активности нейронов. Изменения генетической экспрессии в нейронах непосредственно обеспечивают их специализацию относительно элементов индивидуального опыта [1].

Изучение частотно-пространственных характеристик спектров электрической активности мозга является современным и актуальным методом исследования эндофенотипов когнитивных функций, в частности, интеллекта. Интересным является подход, позволяющий совместить оценку функциональной межполушарной асимметрии в работе мозга и выявление латеральных профилей асимметрии моторных, сенсорных и психических функций. При этом выполнение подобной работы с применением близнецовой выборки делает ее особенно актуальной, позволяя прогнозировать возможности и ограничения психокоррекционного и психоразвивающего воздействия. Цель данной работы – оценка вклада генотип-средовых факторов в межиндивидуальную вариативность профильной асимметрии, а также экспериментальное изучение ЭЭГ-коррелятов вербального интеллекта (на примере выполнения вербально-ассоциативной деятельности и арифметического счета) у близнецов с различными особенностями индивидуальной профильной асимметрии.

Методика. Для записи ЭЭГ использовался сертифицированный электроэнцефалограф «Энцефалан», версия «Элитная-М» 5.4–10-2.0 (13.02.2004) производства МТБ «Медиком» г. Таганрог. Регистрация осуществлялась в изолированной комнате. Запись ЭЭГ проводилась по международному стандарту установки электродов по схеме 10%-20%. Для регистрации электрической активности мозга устанавливался 21 электрод (Fpz, Fz, Cz, Pz, Oz, Fp1, Fp2, F7, F3, F4, F8, T3, C3, C4, T4, T5, P3, P4, T6, O1, O2), применялась монополярная схема с ипсилатеральными ушными референтами. Сопротивление электродов не превышало 10 кОм. Фильтрация ЭЭГ осуществлялась в диапазоне 0,5–70 Гц. Анализировалась фоновая ЭЭГ, а также регистрируемая в экспериментальных пробах. Последовательность функциональных проб при записи ЭЭГ: «фон», «открыть глаза» (ОГ), «закрыть глаза» (ЗГ), проба «вербальные ассоциации» (придумывание слов на букву «а»), проба «счет в уме» (последовательное сложение цифры 7). Для отслеживания и подавления артефактов использовались регистрация электромиограммы (ЭМГ), электроокулограммы (ЭОГ), электрокардиограммы (ЭКГ), кожно-гальванической реакции (КГР) и фотоплетизмограммы (ФПГ). Анализ спектра абсолютной мощности осуществлялся путем сравнения показателей фоновой пробы с функциональной в тех же частотных диапазонах (дельта (0,5–4 Гц), тета (4–8 Гц), альфа (8–13 Гц), бета-1 (13–24 Гц), бета-2 (24–35 Гц) диапазонах. Для оценки профиля латеральной организации использовалась компьютерная программа «Профиль» (НИИ Валеологии, Россия), позволяющая оценить моторную, сенсорную и общую функциональную асимметрию. Математическая обработка данных осуществлялась с помощью дисперсионного анализа ANOVA. Компьютерная обработка результатов проводилась по программе Statistica 6.0.

Объект исследования – монозиготные и дизиготные однополые близнецы в количестве 87 пар МЗ близнецов в возрасте от 14 до 26 лет (из них мужского пола – 43 пары, женского – 44 пары), 86 пар ДЗ близнецов (мужского пола – 40 пар, женского – 46 пар). Средний возраст испытуемых – 18,9 лет. Все испытуемые без отклонений в состоянии здоровья, участвовали в исследовании добровольно.

Для определения зиготности близнецов использовался метод полисимптомного сходства [6], пары с неясной диагностикой в исследование не включались.

Результаты. В таблице 1 приведены статистические данные по выраженности функциональных асимметрий в выборке близнецов.

Таблица 1
Распределение профилей латеральной организации в группе близнецов (в %)

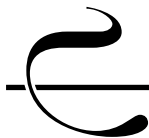
Оцениваемые параметры	Доминирование		
	Справа (левое полушарие)	Слева (правое полушарие)	Амбидекстр (равенство полушарий)
Моторика руки	71,1	0	28,9
Моторика ноги	78,9	5,3	15,8
Зрительное восприятие	50,0	10,5	39,5
Слуховое восприятие	60,5	18,4	21,1
Мышление	86,8	13,2	0

В таблице 2 представлены результаты корреляционного анализа внутрипарного сходства МЗ и ДЗ близнецов по показателям функциональной асимметрии, полученным с использованием компьютерной программы «Профиль» и оценка компонентов фенотипической дисперсии.

Таблица 2
Внутрипарные корреляции показателей функциональной асимметрии у МЗ и ДЗ близнецов (по программе «Профиль»), вклад генетической (h^2), общесемейной (c^2) и индивидуально-средовой (e^2) составляющих фенотипической дисперсии (* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$) *

Показатели	R(МЗ)	t(N-2)	p-level	R(ДЗ)	t(N-2)	p-level	h^2	c^2	e^2
Тест Аннет	-0,05	-0,14908	0,88	0,03	0,08443	0,93	-	-	-
Теплинг тест (правая рука)	0,55*	1,10629	0,04	-0,12	-0,39699	0,70	0,55	0	0,45
Теплинг тест (левая рука)	0,61**	1,51006	0,009	0,50*	1,83001	0,03	0,22	0,39	0,39
Трек тест (правая рука)	0,35*	1,04335	0,04	0,53*	1,97234	0,03	0	0,35	0,65
Трек тест (левая рука)	0,79**	3,64789	0,01	0,21	0,66915	0,05	0,79	0	0,21
Ведущая рука	0,76**	3,34664	0,01	0,52*	1,93649	0,03	0,48	0,28	0,24
Ведущая нога	-	-	-	-0,09	-0,29319	0,77	-	-	-
Ведущий глаз	0,46*	1,45095	0,03	-0,54*	-2,03370	0,03	0,46	0	0,54
Ведущее ухо	0,32*	0,96449	0,04	0,11	0,36507	0,72	0,32	0	0,68
Тест на образное мышление	-0,16	-0,45689	0,55	0,08	0,25105	0,81	-	-	-
Тест на вербальное мышление	-0,12	-0,35279	0,56	0,43*	1,50086	0,03	-	-	-
Коэффициент асимметрии	0,29	0,84650	0,05	-0,15	-0,49074	0,63	0,29	0	0,71
Тип ПЛО	0,26	0,75827	0,05	0,05	0,16290	0,87	0,26	0	0,74

* **Примечание:** если $r(ДЗ) < 0$ или $r(МЗ) > 2r(ДЗ)$, h^2 приравнивается $r(МЗ)$; если $r(МЗ) < r(ДЗ)$, $h^2 = 0$; если $r(МЗ) < 0$, h^2 не вычисляется [1, с. 288].

Анализ таблицы 2 позволяет сделать вывод о том, что существенный вклад факторов генотипа обнаруживается для моторной асимметрии (рукость) ($h^2 = 0,48$), сенсорной асимметрии (асимметрия зрения $h^2 = 0,46$, асимметрия слуха $h^2 = 0,32$). Оценка наследуемости типа функциональной асимметрии составила 0,26, при этом существенный вклад в фенотипическую вариативность данного показателя вносит индивидуальная среда ($e^2 = 0,74$).

Проведен дисперсионный анализ ANOVA для выявления частотно-пространственных особенностей фоновой ЭЭГ у лиц с разными типами латерализации.

Фоновая ЭЭГ. В таблице 3 приведены результаты однофакторного дисперсионного анализа влияния выраженности мануальной асимметрии по тесту М. Аннет у испытуемых на параметры мощности биопотенциалов основных анализируемых частотных диапазонов (приведены только значимые результаты).

Таблица 3

Результаты дисперсионного анализа (независимая переменная: выраженность мануальной асимметрии по тесту Аннет, зависимая переменная – мощность биопотенциалов в фоновой ЭЭГ, мкв.)

Мощность ритмических составляющих ЭЭГ в отведениях	SS	MS	F	p
Тета1 O2	4122,855	242,521	5,66523	0,000013
Тета2 O2	4280,326	251,784	6,49617	0,000003
Бета1 O2	6842,505	402,500	24,1335	0,000000
Альфа2 O2	38695,57	2276,21	2,67201	0,008032
Альфа1 O1	35428,40	2084,02	2,20736	0,026053
Альфа2 O1	104350,5	6138,27	9,55971	0,000000
Бета 1 O1	1080,496	63,559	3,1561	0,002463
Тета1 P4	3543,455	208,439	6,6805	0,000002

Из таблицы 3 видно, что для степени выраженности у испытуемых асимметрии сенсорных и моторных функций (профиль латеральной организации) оказывает достоверное влияние на оценки мощности биопотенциалов в фоне в тета1 и тета2, альфа1 и альфа2 и бета1 частотных диапазонах в обеих гемисферах.

На рисунке 1 представлены распределения значений коэффициента асимметрии (по данным программы «Профиль») и мощности биопотенциалов в затылочных отведениях при регистрации фоновой ЭЭГ. На рисунке 1 видно, что мощность биопотенциалов в альфа2 диапазоне в затылочных областях наиболее высока при левосторонней латерализации признаков у испытуемых.

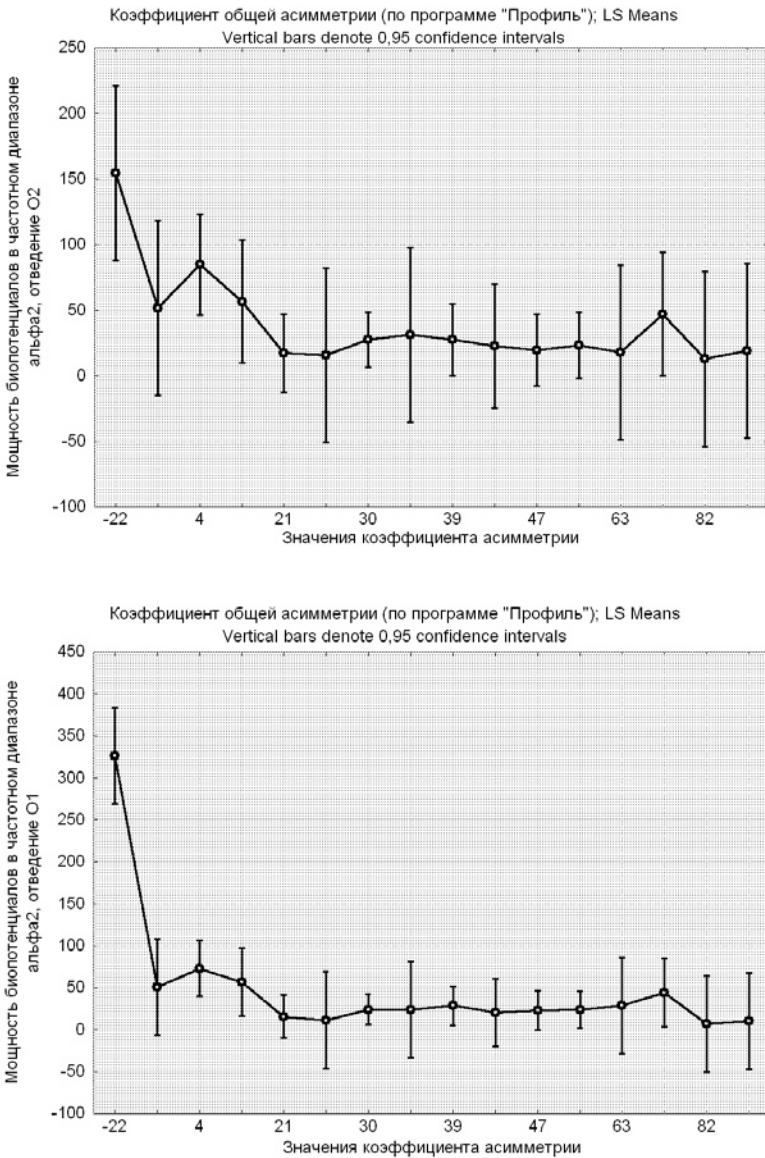
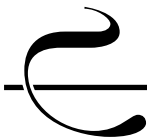

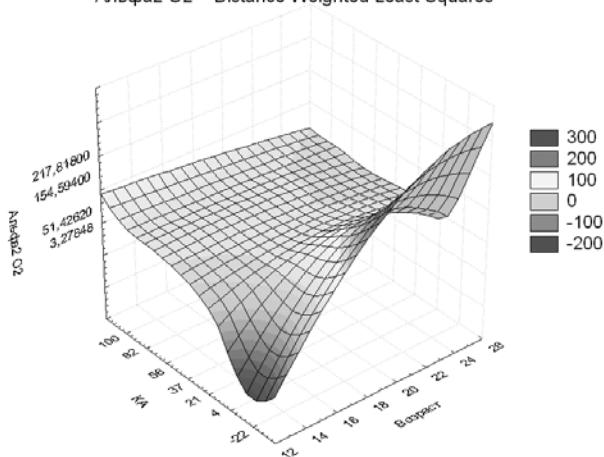
Рисунок 1. Распределение значений абсолютной мощности альфа1 ритма ЭЭГ (фоновая проба, мкв₂) в зависимости от значения коэффициента общей асимметрии

На рисунке 2 наглядно представлено взаимодействие выраженности факторов общей асимметрии (по результатам целостного обследования моторных, сенсорных и психической асимметрий по программе «Профиль»), возраста и мощности биопотенциалов в альфа2 диапазоне в правом и левом окципитальных отведениях (рис. 2).

Взаимодействие факторов возраста, выраженности общей асимметрии (по программе "Профиль") и мощности биопотенциалов в диапазоне альфа2 в правом окципитальном отведении

Альфа2 O2 = Distance Weighted Least Squares

Взаимодействие факторов возраста, выраженности общей асимметрии (по программе "Профиль") и мощности биопотенциалов в диапазоне альфа2 в левом окципитальном отведении

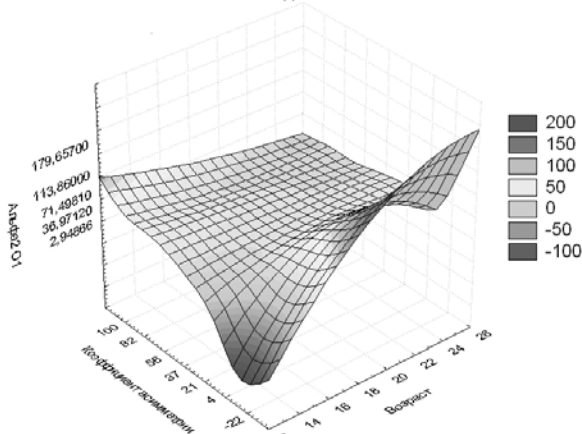

Рисунок 2. Распределение значений мощности альфа2 ритма ЭЭГ (фоновая проба, окципитальные отведения, мкВ₂) в зависимости от значения коэффициента общей асимметрии и возраста обследуемых

На рисунке 2 видно, что мощность альфа2 ритма в затылочных отведениях наиболее высока у испытуемых старше 20 лет с выраженной левосторонней латерализацией. При выраженной правосторонней латерализации с увеличением возраста обследуемых не происходит значимых изменений мощности биоопотенциалов фоновой ЭЭГ в затылочных отведениях.

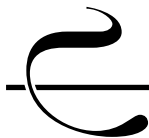
ЭЭГ в пробе «Ассоциации». Результаты проведенного дисперсионного анализа влияния показателя мануальной асимметрии по тесту М. Аннет на параметры мощности биоопотенциалов основных анализируемых частотных диапазонов в пробе «Ассоциации» свидетельствуют о том, что при выполнении вербально-ассоциативной деятельности степень выраженности у испытуемых асимметрии сенсорных и моторных функций (профиль латеральной организации) оказывает достоверное влияние на оценки мощности биоопотенциалов в тета1 и тета2, альфа1 и альфа2 и бета1 и бета2 частотных диапазонах в обеих гемисферах (кроме затылочных и право-париетальных отведений). Далее рассмотрим характеристики абсолютной мощности тех частотных отведений и ритмических составляющих ЭЭГ, для которых ранее на основании применения Т-критерия Стьюдента было установлено достоверное изменение по сравнению с фоном.

На рисунке 3 наглядно представлено взаимодействие выраженности факторов общей асимметрии (по результатам целостного обследования моторных, сенсорных и психической асимметрий по программе «Профиль»), возраста и мощности биоопотенциалов в тета2 диапазоне в правом и левом передне-лобных отведениях.

На рисунке 3 видно, что мощность тета2 ритма в передне-лобных отведениях наиболее высока у испытуемых старше 20 лет с выраженной левосторонней латерализацией. При выраженной правосторонней латерализации с увеличением возраста обследуемых не происходит значимых изменений мощности биоопотенциалов передне-лобных отведений при выполнении вербально-ассоциативной деятельности. При этом наблюдается большая синхронизация тета2 ритма в левой передне-лобной области по сравнению с правой.

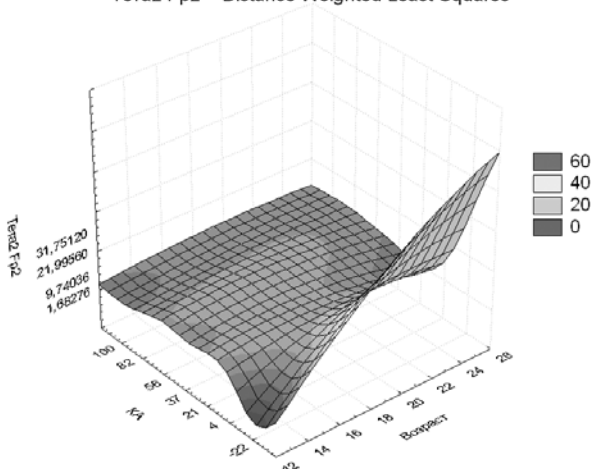
На рисунке 4 отражено взаимодействие выраженности факторов общей асимметрии (по результатам целостного обследования моторных, сенсорных и психической асимметрий по программе «Профиль»), возраста и мощности биоопотенциалов в бета1 диапазоне в левом и правом задне-височных отведениях.

Анализ рисунка 4 свидетельствует о том, что мощность бета1 ритма в задне-височных отведениях наиболее высока у испытуемых старше 20 лет с выраженной левосторонней латерализацией. При выраженной правосторонней латерализации с увеличением возраста обследуемых не происходит значимых изменений мощности биоопотенциалов задне-височных отведений при выполнении вербально-ассоциативной деятельности. На рисунке 4 также видно, что при высокой степени выраженности «правосторонних» признаков в профиле латеральной организации в возрасте 13–16 лет наблюдается более выраженная синхронизация в бета1 диапазоне в левой задне-височной области по сравнению с правой.

Взаимодействие факторов возраста, выраженности общей асимметрии (по программе "Профиль") и мощности биопотенциалов в диапазоне тета2 в правом передне-лобном отведении

Teta2 Fp2 = Distance Weighted Least Squares

Взаимодействие факторов возраста, выраженности общей асимметрии (по программе "Профиль") и мощности биопотенциалов в диапазоне тета2 в левом передне-лобном отведении

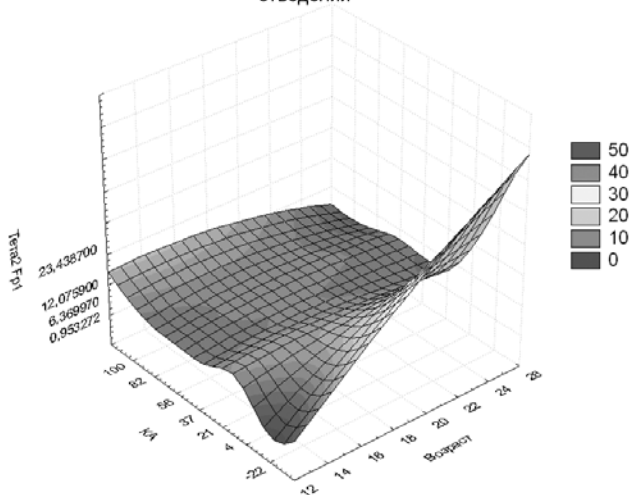
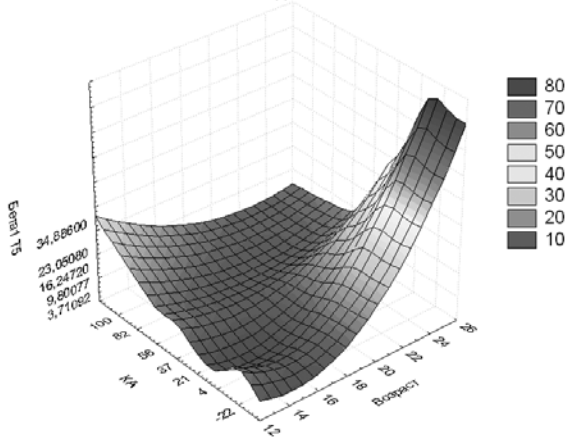

Рисунок 3. Распределение значений мощности тета2 ритма ЭЭГ (проба «Ассоциации», передне-фронтальные отведения, мкв₂) в зависимости от значения коэффициента общей асимметрии и возраста обследуемых

Взаимодействие факторов возраста, выраженности общей асимметрии (по программе "Профиль") и мощности биопотенциалов в диапазоне бета1 в левом задне-височном отведении

Взаимодействие факторов возраста, выраженности общей асимметрии (по программе "Профиль") и мощности биопотенциалов в диапазоне бета1 в правом задне-височном отведении

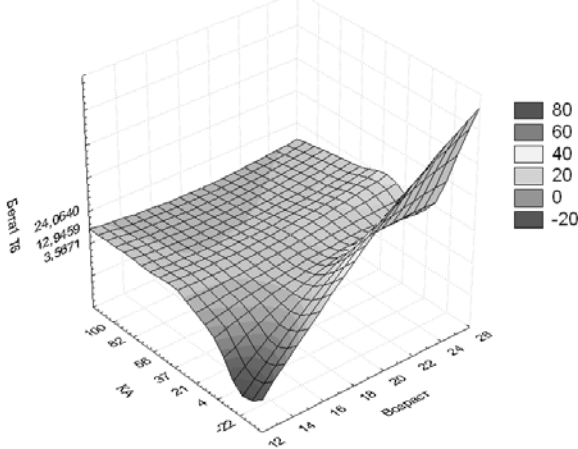
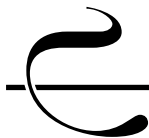
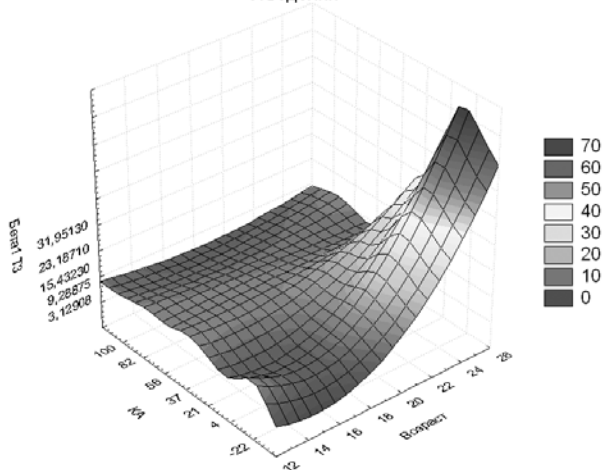

Рисунок 4. Распределение значений мощности бета1 ритма ЭЭГ (проба «Ассоциации», задне-височные отведения, мкв₂) в зависимости от значения коэффициента общей асимметрии и возраста обследуемых

На рисунке 5 отражено взаимодействие выраженности факторов общей асимметрии (по результатам целостного обследования моторных, сенсорных и психической асимметрий по программе «Профиль»), возраста и мощности биопотенциалов в бета1 диапазоне в левом и правом передне-височных отведениях.

Взаимодействие факторов возраста, выраженности общей асимметрии (по программе "Профиль") и мощности биопотенциалов в диапазоне бета1 в левом передне-височном отведении

Взаимодействие факторов возраста, выраженности общей асимметрии (по программе "Профиль") и мощности биопотенциалов в диапазоне бета1 в правом передне-височном отведении

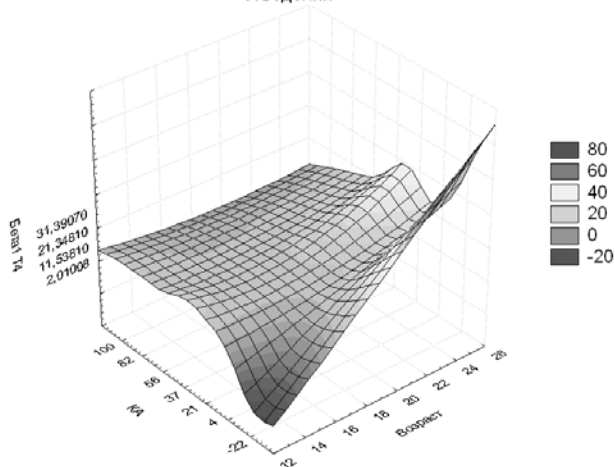

Рисунок 5. Распределение значений мощности бета1 ритма ЭЭГ (проба «Ассоциации», передне-височные отведения, мкв₂) в зависимости от значения коэффициента общей асимметрии и возраста обследуемых

Анализ рисунка 5 позволяет заключить, что мощность бета1 ритма в передне-височных отведениях наиболее высока у испытуемых старше 20 лет

с выраженной левосторонней латерализацией. При выраженной правосторонней латерализации с увеличением возраста обследуемых не происходит значимых изменений мощности биопотенциалов передне-височных отведений при выполнении вербально-ассоциативной деятельности.

ЭЭГ в пробе «Арифметический счет». Результаты проведенного дисперсионного анализа влияния выраженности мануальной асимметрии по тесту М. Аннет у испытуемых на параметры мощности биопотенциалов основных анализируемых частотных диапазонов в пробе «Арифметический счет» свидетельствуют о том, что степень выраженности у испытуемых асимметрии сенсорных и моторных функций (профиль латеральной организации) оказывает достоверное влияние на оценки мощности биопотенциалов преимущественно правого полушария (правые затылочное и париетальное отведения). На рисунке 6 наглядно представлено взаимодействие выраженности факторов общей асимметрии (по результатам целостного обследования моторных, сенсорных и психической асимметрий по программе «Профиль»), возраста и мощности биопотенциалов в тета2 и бета1 диапазонах в правом затылочном отведении.

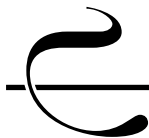
Анализ рисунка 6 позволяет сделать заключение о том, что мощность тета2 и бета1 ритмов в правом затылочном отведении наиболее высока у испытуемых старше 20 лет с выраженной левосторонней латерализацией. При выраженной правосторонней латерализации с увеличением возраста обследуемых не происходит значимых изменений мощности биопотенциалов затылочных отведений при выполнении арифметических операций.

На рисунке 7 представлено взаимодействие выраженности факторов общей асимметрии (по результатам целостного обследования моторных, сенсорных и психической асимметрий по программе «Профиль»), возраста и мощности биопотенциалов в тета2 диапазоне в левом париетальном отведении.

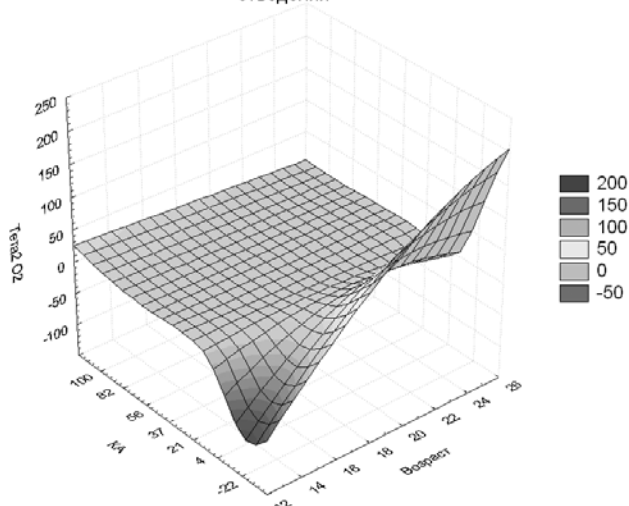
Анализ рисунка 7 позволяет сделать вывод о том, что, как и в предыдущих случаях, мощность тета2 ритма в левом париетальном отведении наиболее высока у испытуемых старше 20 лет с выраженной левосторонней латерализацией. При выраженной правосторонней латерализации с увеличением возраста обследуемых не происходит значимых изменений мощности биопотенциалов затылочных отведений при выполнении арифметических операций.

Далее был проведен дисперсионный анализ влияния факторов пола, возраста, порядка рождения близнецов (первороденный, второроденный), типа близнецов (монозиготные, дизиготные) и их взаимодействия на показатели асимметрии моторных, сенсорных и психических функций, полученные с применением программы «Профиль».

В результате было установлено, что факторы пола и порядка рождения близнецов не оказывают значимого влияния на показатели асимметрии моторных, сенсорных и психических функций, полученные с применением программы «Профиль».

Взаимодействие факторов возраста, выраженности общей асимметрии (по программе "Профиль") и мощности биопотенциалов в диапазоне тета2 в правом окципитальном отведении

Взаимодействие факторов возраста, выраженности общей асимметрии (по программе "Профиль") и мощности биопотенциалов в диапазоне бета1 в правом окципитальном отведении

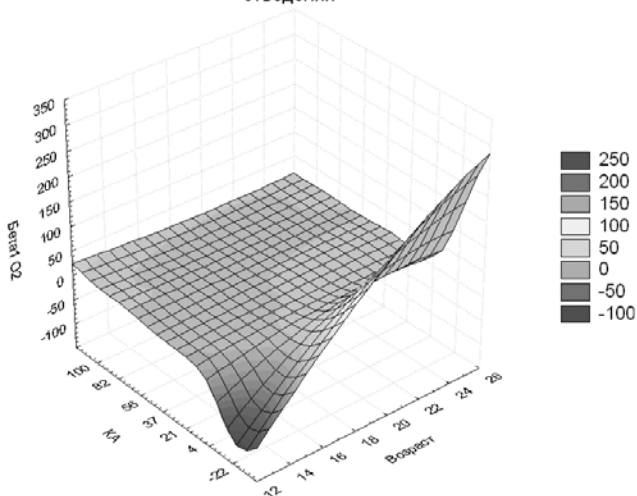

Рисунок 6. Распределение значений мощности тета2 и бета1 ритмов ЭЭГ (проба «Арифметические операции», правое затылочное отведение, мкв₂) в зависимости от значения коэффициента общей асимметрии и возраста обследуемых

Взаимодействие факторов возраста, выраженности общей асимметрии (по программе "Профиль") и мощности биопотенциалов в диапазоне тета2 в левом парietальном отведении

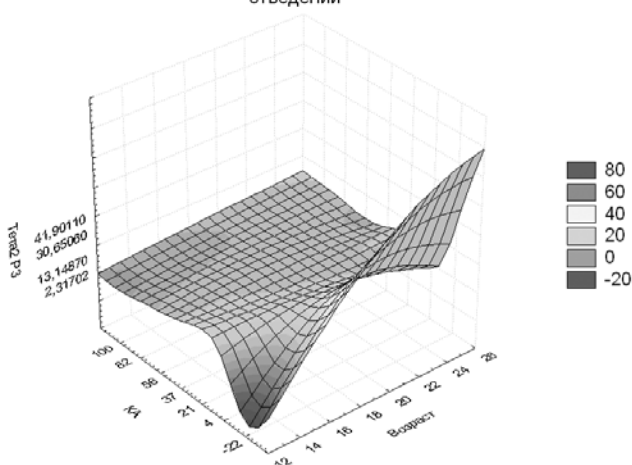

Рисунок 7. Распределение значений мощности тета2 ритма ЭЭГ (проба «Арифметические операции», левое парietальное отведение) в зависимости от значения коэффициента общей асимметрии и возраста обследуемых

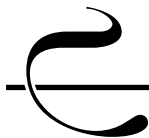
В таблице 4 приведены результаты дисперсионного анализа влияния фактора возраста обследуемых близнецов на показатели асимметрии моторных, сенсорных и психических функций, полученные с применением программы «Профиль».

Таблица 4
Результаты дисперсионного анализа (независимая переменная: возраст, зависимая переменная – показатели функциональной асимметрии, полученные с применением программы «Профиль»)

Показатели	SS	df	MS	F	p
Тест Аннет	3267,87	40	81,6969	0,446944	0,900676
Образное мышление	209,00	40	5,2250	1,511536	0,177257
Вербальное мышление	181,00	40	4,5250	2,095028	0,053153
Коэффициент асимметрии	15884,88	40	397,1219	2,240931*	0,039061
Тип ФМА	54,96	40	1,3740	0,991593	0,462182

Из таблицы 4 видно, что фактор возраста оказывает значимое воздействие на общий показатель выраженности функциональной асимметрии ($F = 2,24^*$, $p < 0,05$).

Взаимодействие факторов Возраст x Порядок рождения близнецов оказывает значимое воздействие на показатель «Вербальное мышление» по программе

«Профиль» ($F = 2,24^{**}$, $p < 0,01$). Специальное рассмотрение полученных данных позволило установить, что у перворожденных близнецов с увеличением возраста близнецовой пары показатели вербального интеллекта увеличиваются.

Также был проведен дисперсионный анализ влияния факторов пола, возраста, порядка рождения близнецов (первороденный, второрожденный), типа близнецов (монозиготные, дизиготные) и их взаимодействия на показатели абсолютной мощности биоэлектрических потенциалов. В таблице 5 приведены результаты дисперсионного анализа влияния фактора пола обследуемых близнецов на показатели абсолютной мощности биоэлектрических потенциалов (даны только значимые оценки).

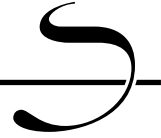
Таблица 5
Результаты дисперсионного анализа (независимая переменная: пол, зависимая переменная – показатели абсолютной мощности биоэлектрических потенциалов,

Частотный диапазон, отведение	SS	df	MS	F	p
Альфа1 O2	952363	262	3634,97	10,03**	0,001
Альфа2 O2	951162	262	3630,39	11,80***	0,0006
Тета1 O1	18992	262	72,49	4,18*	0,042
Альфа2 O1	965892	262	3686,61	5,20*	0,023

Анализ таблицы 5 позволяет заключить, что фактор пола оказывает значимое воздействие на показатели абсолютной мощности биоэлектрических потенциалов затылочных отведений справа и слева в диапазоне тета и альфа частот. Специальное рассмотрение полученных данных показало, что у женщин мощность альфа и тета частот выше, чем у мужчин, как в фоновой ЭЭГ, так и при когнитивных нагрузках.

Обсуждение

В работе Medland S.E. et al. (2009) проведен мета-анализ результатов близнецовых исследований рукописности у австралийских и голландских близнецов, а также их сиблингов. В результате применения метода структурного моделирования была подтверждена эффективность модели, включающей аддитивный генетический компонент (23,64 %) и компонент неразделенной среды (76,36 %) [8]. Согласно полученным в нашей работе данным вклад аддитивной генетической составляющей в различия по мануальной асимметрии составил 48 %, что превышает полученный Medland S.E. et al. показатель. Однако, известны различия распространения того или иного типа мануальной асимметрии в разных популяциях. Так, например, в работе Sommer I.E., A. Aleman et al. (2008) проведен мета-анализ распределения «рукописности» в зависимости от принадлежности к определенной популяции (сопоставлялись «Западные» популяции – США, Австралия, Европейские страны и «Незападные» популяции – Азия, Африка, ближний Восток). Полученные Sommer I.E., A. Aleman et al. результаты свидетельствуют о значимо большем количестве леворуких среди представителей «Незападных» популяций [9].

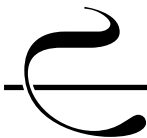

Нами обнаружено, что при выраженных «правых» признаках в профиле латеральной организации динамика показателей абсолютной спектральной мощности с возрастом не является столь существенной, как при выраженных «левых» признаках в профиле латеральной организации. В последнем случае обнаружена тенденция к тому, что в более младшем возрасте (13–16 лет) у близнецов регистрируются показатели спектральной мощности, соответствующие низким нормативным значениям, а в более старшем возрасте (22–25 лет) – высоким нормативным значениям для соответствующих спектров [2]. Обнаруженное увеличение абсолютной суммарной мощности биоэлектрической активности головного мозга у обследуемых с выраженными «левыми» признаками в профиле латеральной организации с увеличением их возраста, предположительно, отражает повышение энергетического метаболизма нейронов головного мозга в ходе адаптации организма к внешнесредовым воздействиям. Полученные нами результаты также могут свидетельствовать о том, что низкий энергетический уровень биоэлектрической активности мозга связан с доминированием процессов десинхронизации, при этом высокий энергетический уровень биоэлектрической активности мозга связан с усилением синхронизации деятельности нейрональных ансамблей [2].

Полученные нами данные о том, что с увеличением возраста растет и степень функциональной асимметрии, согласуются с данными других авторов (например, Teixeira Luis A., 2008) [10].

Установленный в данном исследовании факт, что у перворожденных членов близнецовых пар более старшему возрасту соответствуют более высокие показатели вербального интеллекта подтверждается практикой наблюдений и психологического консультирования близнецов и их родителей [3]. Так, перворожденный близнец в паре, как правило, более уверен в себе, более контактен по отношению к внешнему социальному окружению близнецовой пары, в основе чего лежат, возможно, лучшие условия его пренатального развития. С возрастом такое поведение может приводить к более высоким оценкам его вербального интеллекта по сравнению с со-близнецом.

В нашей работе также получено, что у женщин мощность альфа и тета частот выше, чем у мужчин, как в фоновой ЭЭГ, так и при когнитивных нагрузках. Согласно современным представлениям, синхронизация тета диапазона при устойчивом внимании к зрительной и речевой стимуляции связана с уровнем результативности симультанной обработки информации. Синхронизация альфа ритма в ситуации устойчивого внимания отражает работу механизмов, связанных с тормозной регуляцией процессов обработки информации в коре мозга, нерелевантной текущей задаче, а также локальную активацию отдельных зон коры. Синхронизация тета ритма в тех же условиях связана с обеспечением удержания мишени внимания [4]. В работе Разумниковой О.М., Вольф Н.В., Тарасовой И.В. (2009) с применением дисперсионного анализа ANOVA были получены данные о том, что при выполнении вербального творческого задания мощность ЭЭГ в тета1-диапазоне повышалась в сравнении с фоном ($p < 0,01$), что соответствует и нашим данным [5].

Выводы

1. С применением классического близнецового метода получены данные о том, что факторы генотипа вносят существенный вклад в фенотипическую вариативность моторной асимметрии (руконости) ($h^2 = 0,48$), сенсорной асимметрии (асимметрии зрения $h^2 = 0,46$, асимметрии слуха $h^2 = 0,32$). Оценка наследуемости типа функциональной асимметрии составила 0,26, при этом существенный вклад в фенотипическую вариативность данного показателя вносит индивидуальная среда ($e^2 = 0,74$).

2. В фоновой ЭЭГ синхронизация альфа ритма в затылочных отведениях наиболее выражена у близнецов с преобладанием «правых» признаков в профиле латеральной организации, при этом выраженность спектральной мощности альфа ритма достаточно стабильна в возрастном диапазоне 14–26 лет. Преобладание «левых» признаков в профиле латеральной организации связано с изменением уровня спектральной мощности альфа ритма от низкого в более младшем возрастном диапазоне (13–16 лет) до весьма высокого в возрасте 22–25 лет.

3. При выраженной правосторонней латерализации выполнение вербально-ассоциативной деятельности связано с большей синхронизацией тета2 ритма в передне-лобной области, а также большей синхронизацией бета1 ритма в задне-височной области с левополушарным доминированием. Преобладание «левых» признаков в профиле латеральной организации связано с изменением уровня спектральной мощности тета2 и бета1 ритмов от низкого в более младшем возрастном диапазоне (13–16 лет) до весьма высокого в возрасте 22–25 лет.

4. Степень выраженности у испытуемых асимметрии сенсорных и моторных и психических функций (профиль латеральной организации) оказывает достоверное влияние на оценки мощности биопотенциалов при выполнении арифметических операций преимущественно правого полушария (правые затылочное и париетальное отведения).

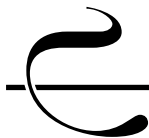
Полученные результаты могут быть использованы в практической психологической консультативной, психокоррекционной деятельности, практике обучения школьников и студентов с учетом выявленных закономерностей.

Литература

1. Александров Ю.И. Системная структура индивидуального опыта как отражение истории его формирования // Альманах «Новые исследования». Материалы международной научной конференции «Физиология развития человека». – № 2(19). – М.: Вердана, 2009. – С. 15–16.
2. Григорьева В.Н. Реабилитация больных с хроническими формами заболеваний нервной системы: клиничко-нейрофизиологические и медико-психологические исследования. – Автореф. дисс.... докт. мед.н. – М., 2001. – 44 с.
3. Егорова М.С., Зырянова Н.М., Паршикова О.В., Пьянкова С.Д., Черткова Ю.Д. Генотип. Среда. Развитие. – М.: ОГИ, 2004. – 576 с.

4. Новикова С.И., Малаховская Е.В., Пушина Н.П., Цетлин М.М., Филатов А.И., Посикера И.Н., Строганова Т.А. Взаимосвязь спектральной амплитуды θ - и α -диапазонов ЭЭГ с оценками когнитивных способностей в дошкольном возрасте // Физиология человека. – Т. 35. – № 4. – 2009. – С. 20–27.
5. Разумникова О.М., Вольф Н.В., Тарасова И.В. Стратегия и результат: половые различия в электрографических коррелятах вербальной и образной креативности // Физиология человека. – Т. 35. – № 3. – 2009. – С. 31–41.
6. Талызина Н.Ф., Кривцова С.В., Мухаматулина Е.А. Природа индивидуальных различий: опыт исследования близнецовым методом. – М.: МГУ, 1991. – 192 с.
7. Anokhin A.P. Genetics and development of frontal brain function in adolescence: implications for self-regulation of behavior // Альманах «Новые исследования». Материалы международной научной конференции «Физиология развития человека». – № 2(19). – М.: Вердана, 2009. – С. 14–15.
8. Medland S.E., D.L. Duffy, M.J. Wright, G.M. Geffen, D.A. Hay, F. Levy, C.E.M. van Beijsterveldt, G. Willemsen, G.C. Townsend, V. White, A.I.W. Hewitt, D.A. Mackey, J.M. Bailey, W.S. Slutske, D.R. Nyholt, S.A. Treloar, N.G. Martin, D.I. Boomsma Genetic influences on handedness: Data from 25,732 Australian and Dutch twin families // *Neuropsychologia*. – V. 47. – 2009. – P. 330–337.
9. Sommer I.E., A. Aleman, M. Somers, M.P. Boks, R.S. Kahn Sex differences in handedness, asymmetry of the Planum Temporale and functional language lateralization // *Brain research*. – V. 1206. – 2008. – P. 76–88.
10. Teixeira Luis A. Categories of manual asymmetry and their variation with advancing age // *Cortex*. – V. 44. – 2008. – P. 707–716.

Васкэ Е.В.

Психическое и психологическое воздействие
в уголовном процессе – к определению понятий

В статье рассматриваются вопросы, связанные с оказанием различных видов воздействия на допрашиваемого в уголовном процессе (физического, психического, психологического). Выделены критерии правомерности оказания воздействия в ходе проведения следственных действий. Представлены формы реализации, результат и формы его выражения при оказании как правомерного, так и неправомерного воздействия на личность допрашиваемого.

Ключевые слова: психологическое воздействие, психическое воздействие, физическое воздействие, неправомерное воздействие, правомерное воздействие, понуждение, принуждение, насилие, убеждающее воздействие, критерии правомерного воздействия.

Любое межличностное взаимодействие предполагает оказание психологического воздействия как со стороны одного из субъектов, так и взаимное (перекрестное) воздействие коммуникаторов друг на друга. Совершенно очевидно, что допрос как один из коммуникативных процессов судебно-следственной деятельности невозможен без оказания психологического воздействия, которое может исходить и от допрашиваемого лица (например, с целью вызвать жалость, сочувствие), и от юриста. В научной и учебной литературе приводится достаточно большой перечень приемов психологического воздействия, рекомендуемый для использования практикующим работникам следственных органов в ходе проведения допроса. Однако, в среде ученых (психологов, криминалистов, правоведов) не утихают споры по вопросу о правомерности использования не просто тех или иных приемов психологического воздействия в судебно-следственной практике, а, в целом, о возможности применения психологического воздействия на личность допрашиваемого в уголовном процессе. Причем, с развитием демократии в нашей стране эти споры становятся все ожесточеннее (А.Р. Ратинов, 1967, 1973, 1976, 2001, 2008; М.С. Строгович, 1974; А.Н. Васильев, 1981; М.М. Коченов, Н.Р. Осипова, 1984; С.Ю. Якушин, 1986; Л.П. Гримак, В.Д. Хабалев, 1997; Н.А. Селиванов, 1997; В.Г. Пушков, 2000; Э.У. Бабаева, 2001; М.И. Еникеев, 2001; С.К. Питерцев, 2001; Т.В. Аверьянова, 2001; А. Александров, С. Белов, 2002; А.Б. Соловьев, 2002; Г.А. Зорин, 2002; В.Н. Волков, 2002; В.А. Образцов, С.Н. Богомолова, 2002, 2003; В.Л. Васильев, 2003; Ю.В. Чуфаровский, 2003; О.Д. Калашников, 2004; О.Ю. Скичко, 2006 и др.).

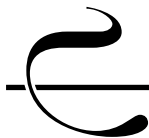

Все чаще стала высказываться мысль о том, что следователь вправе допускать лишь свободный рассказ допрашиваемого, т.к. использование каких бы то ни было приемов психологического воздействия в ходе допроса – это насилие над личностью, попрание ее прав, нарушение свобод. Безусловно, неграмотное использование приемов психологического воздействия в следственной практике может привести не только и не столько к нарушению норм профессиональной этики юриста, но и к более серьезным последствиям (например, к самооговору допрашиваемого лица). В настоящий период уже и широкой общественности известны многочисленные факты злоупотребления работниками силовых структур своими полномочиями – средства массовой информации, пользуясь всеми доступными средствами, приводят множество примеров, связанных с оказанием физического и психического насилия на граждан со стороны работников правоохранительных органов.

Понятно, что проблема оказания неправомерного воздействия на задержанных или допрашиваемых со стороны работников силовых структур – лиц, наделенных властными полномочиями, не чужда нашему обществу, в то время, как граждане истинно демократического, правового государства должны быть защищены от подобного произвола. Однако категоричные призывы к исключению из арсенала работников правоохранительных органов каких бы то ни было приемов правомерного психологического воздействия на личность допрашиваемого в ходе проведения следственных действий мы считаем необоснованным морализированием. Полагаем, что при условии правомерности психологическое воздействие в ходе расследования является как раз тем средством, которое в конечном итоге поможет достичь профессионально-важных целей уголовного судопроизводства, к которым, в первую очередь, относится вынесение законного наказания виновному через установление истины по уголовному делу.

Несмотря на многочисленные исследования, четкий понятийный аппарат понятий «психическое воздействие» и «психологическое воздействие» отсутствует и по этой причине, достаточно часто происходит их отождествление. В действующем УПК РФ понятие «домогательство показаний» не содержится. Статья 189 УПК РФ «Общие правила проведения допроса» не содержит указаний на запрет насилия, угроз, иных незаконных мер – часть вторая данной статьи гласит: «Задавать наводящие вопросы запрещается. В остальном следователь свободен при выборе тактики допроса», с учетом положений ст. 9 УПК РФ. Таким образом, в действиях следователя может не быть угроз или шантажа, но если применяемое им при получении показаний психологическое воздействие носит характер принуждения, то в его действиях содержатся признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 302 УК РФ (принуждение к дачи показаний).

Вообще, под психическим насилием Законодатель всегда понимал угрозу в различных ее проявлениях, в действующем же Уголовном законе явно противопоставляются категории «насилие» или «угроза применения насилия», что и понятно – психическое насилие не может быть сведено лишь к угрозе. При этом, подход исследователей к определению психического насилия существенно различается.

Так, Е.Г. Веселов под психическим насилием понимает «любое целенаправленное деструктивное воздействие на психику человека: оскорбление, систематическое унижение человеческого достоинства, жестокое обращение, гипноз, принудительная инъекция наркотических средств или психотропных веществ, в том числе угроза причинения вреда своей жизни или здоровью» [4, с. 16]. Аналогично трактуют психическое насилие Л.В. Сердюк [25] и В.Ф. Иванов [9].

И.Н. Алексеев предлагает формулировать понятие психического насилия «строго в узком смысле, так как при широкой трактовке оно фактически приравнивается к понуждению», считая психическое насилие, в любом случае, шире угрозы, т.к. в случае не причинения вреда психике угроза из разряда «насилие» переходит в категорию «ограничение свободы волеизъявления». Автор относит к психическому насилию и крайнюю степень психического принуждения, и систематическое унижение достоинства, сопровождаемое оскорблениями, и гипноз в случае непосредственного причинения вреда психике (в противном случае гипноз предлагается рассматривать как ограничение свободы волеизъявления), а если под психическим насилием понимать любое целенаправленное деструктивное воздействие на психику, тогда в него закономерно включаются и шантаж, и угроза уничтожением или повреждением имущества (например, объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ). Таким образом, автор под психическим насилием понимает вид (способ) психического принуждения, заключающийся в совершении общественно опасного и противоправного деяния в виде непосредственного психического деструктивного воздействия на потерпевшего. При этом, поскольку принуждение реализуется и в виде охранительной функции государства и права, не влекущей за собой намеренного целенаправленного причинения вреда, оно может употребляться как в положительном (законодательно закрепленные меры принуждения), так и в отрицательном смыслах (ч. 1 ст. 120, п. «а» ч. 2 ст. 141, ч. 2 ст. 142, ч. 1 ст. 144, ч. 1 ст. 147, ст. 179 УК РФ, понуждение через принуждение – ст.ст. 117, 133, 206 УК РФ), в отличие от «насилия», носящего исключительно отрицательный характер [3].

Р.А. Левертова [15] утверждает, что психическое насилие в отличие от физического, не нарушает целостности органов тела или его наружных тканей, оно не причиняет видимого физического вреда организму потерпевшего, а воздействует лишь на его психику, вызывая различные чувства – страх, гнев, возмущение. При этом, по мнению автора, психическое насилие выражается в угрозах причинить физический, моральный, имущественный вред, лишить каких-либо благ, ограничить субъекта в его свободном волеизъявлении.

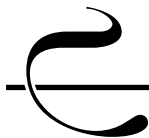
По мнению Л.Д. Гаухмана [6], угроза применения насилия – воздействие на психическую сферу организма человека, выражающаяся в запугивании применением физического насилия. В.Г. Пушков [22] говорит о том, что угроза психологического принуждения трактуется законодательством двояко: с одной стороны, тем, кто препятствует или может препятствовать достижению задач правосудия, с другой – тем, кто решает эти задачи средствами, запрещенными законом, противоречащими

нравственным законам общества и нарушающими конституционные права, свободы и интересы граждан.

В любом случае, Законодатель регламентирует оказание психического воздействия в сфере уголовного судопроизводства в общей форме – психического принуждения, к допустимым средствам которого относит задержание, избрание мер пресечения в отношении подсудимых, привод, угроза уголовной ответственности за дачу ложных показаний потерпевшими и свидетелями, принудительное освидетельствование, обыск и т.д. (раздел 4 УПК РФ – «Меры процессуального принуждения»). К средствам психического принуждения, запрещенным законом, относятся насилие, угрозы, издевательства, шантаж. Таким образом, *под психическим воздействием мы склонны понимать целенаправленные действия воздействующего, осуществляемые в форме психического принуждения отрицательного характера, направленные на достижение поставленной цели, в том числе и путем намеренного причинения вреда, повлекшие за собой изменения в психическом состоянии объекта воздействия.* Крайней формой психического воздействия отрицательного характера является психическое насилие, которое, как правило, бывает сопряжено с оказанием и физического насилия. К формам реализации психического воздействия отрицательной направленности, следует отнести следующие: 1) «суггестивную интервенцию» – насильственное вторжение в сознание субъекта с целью тотального подавления его воли, вследствие изменения психического состояния (гипноз, осуществляемый не в терапевтических, а в противоправных целях); 2) использование в противоправных целях психотропных препаратов, наркотических и токсических веществ; 3) использование внешних раздражителей, действие которых несет в себе разрушительный характер для психической деятельности человека (использование в противоправных целях ультразвука, яркого света и т.п.); 4) использование вербальных деструктивных средств (угрозы, обмана, шантажа, оскорблений).

Некоторые исследователи применение в противоправных целях психотропных препаратов, наркотических и токсических веществ относят к физическому насилию – виду физического принуждения, заключающегося в совершении общественно опасного и противоправного деяния в виде непосредственного физического деструктивного воздействия на потерпевшего [2, 9]. Конечно, насильственное введение инъекций, сопровождающееся причинением лицу физических страданий в целях понуждения к каким-либо действиям, противоречащим воле человека, на наш взгляд, можно рассматривать как комбинированное неправомерное воздействие – физическое насилие, сопряженное с психическим или наоборот. Но, как показывает практика, использование психотропных препаратов или одурманивающих веществ достаточно часто осуществляется завуалированно, в тайне от потерпевшего, без его желания на их применение, но и без применения физического насилия (типичными и самыми распространенными примерами подобных действий могут являться преступления, совершаемые с использованием клофелина). Таким образом, полагаем, что использование в противоправных целях психотропных

препаратов, наркотических и токсических веществ без применения физического насилия к субъекту в виде пыток, истязаний и причинения телесных повреждений, целесообразно относить к психическому воздействию.

Переходя к анализу воздействия посредством применения вербальных средств (угроз, оскорблений, издевательств и шантажа), необходимо отметить следующее. В тех случаях, когда использование указанных вербальных средств направлено на изменение не эмоционального, а психического реагирования субъекта, которое может выражаться в возникновении различного рода нарушениях сознания, расстройствах приспособительных реакций (острая реакция на стресс, депрессивная реакция разной продолжительности и т.п.), вплоть до возникновения реактивных состояний, можно говорить о психическом воздействии. При этом, применение вербальных средств будет носить массивный и (или) пролонгированный характер: например, неоднократные, в том числе, публичные оскорбления и (или) издеательства; угрозы и (или) шантаж, несущие в себе сверхзначимую для личности психотравмирующую нагрузку и т.д. Полагаем совершенно очевидным тот факт, что подобные действия, направленные на оказание психического воздействия в любой форме его применения являются неправомерными.

Случаи использования тех же вербальных средств с меньшей степенью интенсивности, носящих более сглаженный, но, тем не менее, психотравмирующий характер, целесообразно отнести к неправомерному психологическому воздействию, т.к. их действие способно изменить эмоциональное реагирование субъекта, которое может выражаться в возникновении различного рода эмоциональных реакций (страха, гнева, тревоги, испуга и т.д.) или состояний (эмоционального психологического стресса, состояния эмоционального напряжения или возбуждения, фрустрации и т.д.). Мы можем лишь теоретически предположить возможность изменения психического состояния лица, вследствие оказания на него неправомерного психологического воздействия. Например, разовое высказывание угрозы в адрес неустойчивой, тревожно-мнительной или истероидной личности может привести к возникновению у нее каких-либо невротических состояний (невроз навязчивых состояний, истерический или депрессивный невроз и т.п.), вследствие «застревания» на данной ситуации при переработке полученной информации по типу «умственной жвачки». Однако, в таких случаях пусковым механизмом для возникновения подобных состояний все же будет являться оказание неправомерного психологического, а не психического воздействия на личность. Вышеприведенные рассуждения в любом случае подтверждают выдвинутый нами тезис о том, что и психологическое, и психическое воздействие, реализованное через вербальное высказывание угроз, шантажа и оскорблений в адрес объекта воздействия, является неправомерным. Таким образом, *неправомерным психологическим воздействием можно считать целенаправленные действия лица, имеющие целью лишение объекта воздействия свободы выбора в принятии решения и в линии своего поведения, посредством изменения его эмоционального реагирования в ситуации взаимодействия через активное использование деструктивных средств и методов (обмана, шантажа, оскорблений и угроз).*

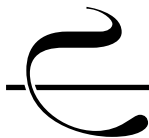

Теперь перейдем к рассмотрению вопроса о критериях правомерности психологического воздействия на личность допрашиваемого в уголовном процессе. Под воздействием, в широком смысле, подразумевается «взаимодействие двух или более систем, при котором функционирование одной системы оказывается причиной определенных изменений в структуре (пространственно-временных характеристиках) хотя бы одной из взаимодействующих систем» [11, с. 4–5]. В более узком значении психологическое воздействие трактуется как «вид воздействия, осуществляемого в отношении субъекта (индивидуального или группового) и вызывающего причинно-следственные изменения в его психике и опосредованно в его поведении» [10, с. 13].

Под правомерным поведением, по мнению В.В. Оксамытного [18], следует понимать деятельность личности в сфере социально-правового регулирования, основанную на сознательном выполнении норм права, которое выражается в их соблюдении, исполнении и использовании. В.В. Лазарев [14], отмечая различия в правомерном поведении в зависимости от характера правовых предписаний при их реализации, указывает на применение права как формы такого поведения. Ю.И. Новик [17] при анализе форм или структуры правомерного поведения исходит не из формально-логической юридической позиции, а из психологической, полагая, что выявление элементов психологического механизма правомерного поведения должно характеризовать различные формы направленности личности на совершение правомерных поступков, ее психическое отношение к своему поведению в правовой сфере и его последствиям. Полагаем, что вышеприведенные определения слишком широкие и размытые, т.к. исходя из формулы правового государства – «разрешено все, что не запрещено законом», любое поведение субъекта в государственно-правовой сфере, если оно не запрещено, можно будет считать правомерным.

Вообще, психологическое воздействие можно классифицировать по характеру (простое и сложное) и направленности воздействия (индивидуальное и коллективное). Форма осуществления психологического воздействия может быть открытой (обращение непосредственно к уровню сознания), закрытой (неочевидной, связанной с использованием приемов, воздействующих на сферу подсознания) и комбинированной, сочетающей в себе обе предыдущие. Исследователи по-разному трактуют виды, способы, методы и приемы психологического воздействия. Так, к способам психологического воздействия Г.М. Андреева [3] относит заражение, внушение, убеждение и подражание, а В.Н. Куликов [13] подразделяет их на убеждение, внушение и конформизм; В.Б. Ольшанский [19] воздействием в процессе общения считает информирование, инструктирование и стимулирование; А.Ю. Панасюк [20] выделяет принуждающее, манипулятивное, внушающее и убеждающее психологическое воздействие.

В.Г. Пушков говорит о «недостаточности сведения психологического воздействия к процессу передачи информации, так как такой подход фиксирует лишь его формальную сторону, в то время как важна не только информация, но и ее

личностный смысл для объекта воздействия, способы передачи, учет ее прохождения через защитные барьеры личности, включение психологического воздействия в некую общую систему взаимодействия при понимании ситуации и ее контекста, учета связи между психологическим воздействием на практическом уровне, взаимоотражением сотрудников и иных участников уголовного процесса на когнитивном уровне и их взаимоотношениями на эмоциональном» [21, с. 152]. При этом, автор совершенно справедливо замечает, что «успешность реализации сценариев психологического воздействия зависит от компетентного владения сотрудниками достаточным арсеналом соответствующих средств, способов и тактик применения психологического воздействия» [22, с. 16].

А.В. Дулов, в свою очередь, не отрицает возможности «использования при психологическом воздействии нейтральной информации, не передающей целевого содержания, но оказывающей влияние на регулирование эмоциональных состояний, отношений, ослабление противодействия, распространения ее на принятие решений, формирование представлений объекта воздействия в силу наличия у него собственной информации» [7, с. 140].

По мнению В.В. Аврамцева психологическое воздействие – это активная, целенаправленная деятельность, продуктом которой является изменение параметров психики (мотивов, целей, отношений, установок, потребностей) объекта воздействия, значимых для достижения целей воздействующего. Автор выделяет следующие элементы психологического воздействия: 1) целенаправленность воздействия, наличие определенной цели, которую необходимо достичь в результате оказания воздействия на объект, в общении юриста цель задается в соответствии с профессиональными требованиями и на основе закона; 2) активный характер воздействия, что подразумевает произвольное управление воздействующим субъектом состоянием объекта воздействия; 3) изменение в результате воздействия субъективных характеристик объекта воздействия (потребностей, установок, отношений, способностей, деятельности, поведения и т.п.), значимых для достижения целей воздействующего [1].

А.Р. Ратинов предлагает критерии правомерности психологического воздействия в следственной практике, говоря о том, что правомерное психологическое воздействие отличается от психического насилия наличием у подследственного лица свободы выбора той или иной позиции. Автор утверждает, что «правомерное психическое влияние само по себе не диктует конкретное действие, не вымогает показание того или иного содержания, а, вмешиваясь во внутренние психические процессы, формирует правильную позицию человека, сознательное отношение к своим гражданским обязанностям и лишь опосредованно приводит его к выбору определенной линии поведения (добровольность выбора отличает, например, допрос, направленный на получение правдивых показаний, от домогательства признания). При насилии же человек существенно ограничен или вовсе лишен возможности выбирать для себя линию поведения, она предопределена альтернативой, которую ставит лицо, производящее расследование. При этом угрожающий

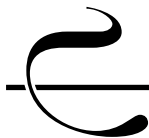

вред становится нередко главным побудителем. Единственное средство, позволяющее избежать угрозы, подследственный видит в том, чтобы выполнить продиктованное следователем», в то время как «следователь обязан активно влиять на рассуждения подследственного, формировать у него основания для принятия желательного следователю решения» [23, с. 57–163]. Разделяя позицию автора по существу, отмечаем, что в вышеприведенных утверждениях, опять же, присутствует отождествление понятий «психического» и «психологического» воздействия (в трактовке автора – «влияния»).

М.И. Еникеев приводит аналогичный критерий правомерности психологического воздействия: «средство достижения истины допустимо, если лицо, дающее показания, остается свободным в выборе линии своего поведения» [8, с. 463]. Подобной позиции придерживается и Н.П. Хайдуков, полагая, что воздействие на подследственного должно оказываться в «допустимо правомерной форме, когда оно не согласуется с волей и потребностями объекта воздействия, но и не ограничивает его прав, свободы выбора поведения и не противоречит законности и нравственным принципам общества» [12, с. 510].

Таким образом, *основным признаком правомерности психологического воздействия необходимо считать сохранение за лицом, подвергающимся воздействию, свободы выбора своей позиции при наличии условий для такого выбора.* Только при соблюдении данных условий психологическое воздействие не противоречит принципам законности и нравственности, являясь по своей сути, правомерным. В то же время, совершенно очевидно, что психологическое воздействие в деятельности расследования приобретает характер специфического феномена, присущего только ей [7], будучи обусловленным психологическими защитами подследственных и иных противодействующих лиц, интерпретацией ими событий преступления в собственных интересах, осознанным и неосознанным использованием средств противостояния задачам расследования и оказываемому на них психологическому воздействию [24].

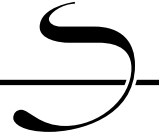
Причем, арсенал противодействия следствию очень широк: от уклонения (завуалированного отказа участвовать в процессе расследования), сопротивления (открытого отказа выполнять законные требования сотрудника) и препятствования (противодействия путем активных действий) до дачи ложных показаний, использования инсценировок и т.д. Поэтому, по мнению В.Г. Пушкова [21] возможность использования психологического воздействия при расследовании преступлений обусловлена наличием таких факторов как позицией подследственного, направленной на противодействие расследованию в различных формах и недостаточностью или отсутствием доказательственной информации, тем более, когда единственным источником поступающей информации о доказательствах становится сам подследственный. В этом случае, по мнению автора, психологическое воздействие в деятельности следователя приобретает специфический характер психологической борьбы – его приемы и методы будут направлены на преодоление противодействия, изменение психической активности объекта воздействия к установлению истины по уголовному делу.

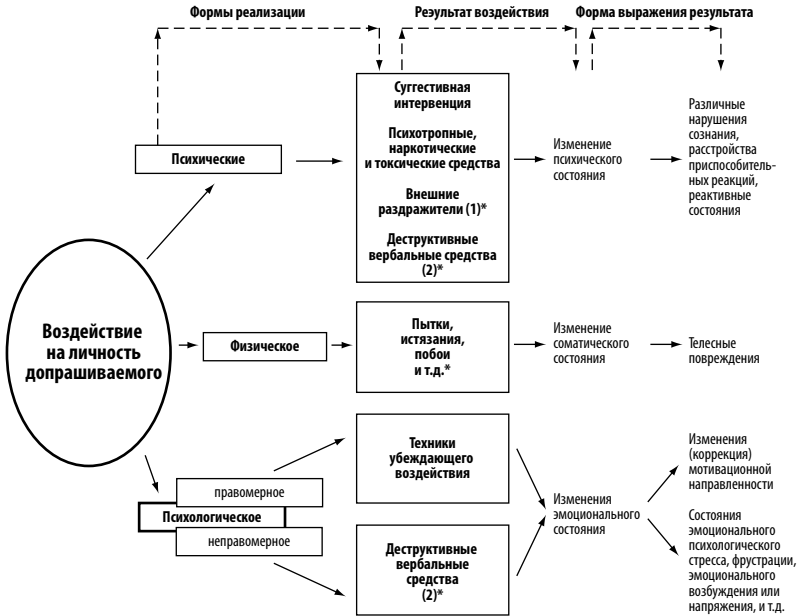
Полагаем, что не просто возможность, а необходимость использования приемов правомерного психологического воздействия в судебно-следственной деятельности обусловлена самим процессом юридического общения как сложного межличностного взаимодействия, не зависимо от избранной позиции допрашиваемого лица. Ситуация судебного следствия или предварительного расследования предъявляет особые требования к процессу общения – допрашиваемый, не зависимо от его процессуального статуса, личностных особенностей и мотивационной направленности всегда вынужден взаимодействовать с допрашивающим в той или иной форме (отказ от дачи показаний – тоже межличностное взаимодействие в ситуации допроса).

Не секрет, что оперативные работники видят проблему оказания психологического воздействия преимущественно в наличии противодействия, а следователи чаще связывают ее с наличием доказательств. При этом, направленность оперативных работников на быстрое раскрытие преступлений ориентирует их на ликвидацию сопротивления подследственных и их признание, а следователей – на поиск доказательств, подтверждающих признание или делающих его ненужным [5, 16]. Понятно, что данные подходы вполне можно объяснить стремлением юристов к достижению своих профессионально-важных целей. Однако, если говорить о весьма распространенных в среде работников правоохранительных органов методах неправомерного психологического воздействия (угроз, шантажа, обмана), можно с сожалением констатировать тот факт, что работники силовых структур, даже не желая того, а иногда, и незаметно для самих себя, переходят границу правомерности, но значительно чаще делают это вполне осознанно, идя по более легкому для них пути, не желая или не умея реализовывать правомерное психологическое воздействие через овладение его операциональной структурой, приобретением знаний и навыков в части применения его средств, приемов и методов.

При этом, необходимо отметить, что «обман» не упомянут в Кодексе в числе незаконных мер, вследствие чего его применение обсуждается с точки зрения морали и разграничения от введения в заблуждение [21]. Придерживаясь категорично-отрицательной позиции в части использования обмана даже как средства достижения юристом своих профессионально-важных целей, полагаем, что обман сам по себе является неправомерным психологическим воздействием, а введение объекта воздействия в заблуждение – спорным с позиции признания правомерности его применения, т.к. использование данного, безусловно, манипуляционного действия, в случае профессиональной обоснованности его применения, прямо предусмотрено Законом об оперативно-розыскной деятельности (п.п. 3, 4 ст. 15 Закона об ОРД). Однако, граница между «обманом» и «введением в заблуждение» (например, в рамках использования такого приема избличения во лжи как «создание у допрашиваемого впечатления о большей осведомленности следователя в деталях расследуемого события») весьма тонка и переступить ее очень легко при отсутствии у следователя знаний, умений и навыков в использовании приемов правомерного психологического воздействия, а главное – желания не перейти эту

грань. Итак, *правомерным психологическим воздействием мы считаем активные, целенаправленные, подготовленные и инструментально оснащенные действия воздействующего, опосредованно приводящие к изменению или коррекции мотивационных линий, взглядов и установок объекта воздействия при сохранении за ним свободы выбора в линии своего поведения и принятия решения.*

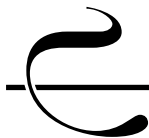
* – эмоциональное реагирование субъекта, выражающееся в возникновении различного рода негативно окрашенных эмоциональных реакций (страха, гнева, тревоги, испуга и т.д.)

1 – использование в противоправных целях ультразвука, яркого света и т.п.

2 – угрозы, шантаж, оскорбления, обман.

Рис. 1. Виды воздействия в уголовном процессе

Как видно из приведенной на рисунке блок-схемы, оказание всех трех видов неправомерного воздействия в определенных формах его реализации (пытках, истязаниях, побоях; при использовании деструктивных вербальных средств; посредством применения в неправомерных целях внешних раздражителей) сопровождается закономерным, ситуационно обусловленным эмоциональным реагированием допрашиваемого, выражающемся в возникновении различного рода негативно окрашенных эмоциональных реакций (страха, гнева, тревоги, испуга и т.д.), что при совокупности всех факторов, приводит к изменению психического, соматического или эмоционального состояния субъекта как результата неправомерного воздействия. Правомерным же является только психологическое воздействие, реализуемое через процесс убеждения, посредством применения

техник убеждающего воздействия с целью изменения или коррекции мотивационной направленности объекта воздействия.

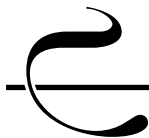
При этом приемы изобличения во лжи, при использовании которых у допрашиваемого остается свобода выбора в принятии решения и линии своего поведения, мы также склонны относить к техникам убеждающего воздействия по следующим основаниям. Грамотное применение приемов изобличения во лжи в пределах правомерности способно подвинуть объект воздействия к рефлексивному анализу своего поведения, а через него – и к изменению мотивационной направленности в ситуации допроса, т.е. к предъявлению правдивых показаний. Таким образом, через процесс убеждения, включающий в себя, в том числе, и использование приемов изобличения во лжи можно достичь главной цели допроса – установления истины по уголовному делу. При этом, наивысшим результатом правомерного психологического воздействия на личность допрашиваемого, изначально дающего ложные сведения, считаем не только признание им своей вины, но и искреннего, глубокого раскаяния в содеянном, выступающего следствием действительного осуществления процесса убеждения.

Литература

1. Аврамцев В.В. Профессиональное общение в деятельности юриста юриста: Учебное пособие. – Н.Новгород: Издательство «Общество «Интелсервис», 2000.
2. Алексеев И.Н. Понуждение, принуждение и насилие в уголовном праве // Уголовный процесс. – № 1. – 2006. – С. 3–13.
3. Андреева Г.М. Социальная психология. – М., 1988.
4. Веселов Е.Г. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния. – Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2002.
5. Волостов П.А. Роль поведения обвиняемого в формировании следственных ситуаций. – Дисс. канд. ... юрид.наук. – М., 1988.
6. Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. – М., 1974.
7. Дулов А.В. Судебная психология: Учебное пособие для юридич. институтов и факультетов. Издание 2-е, испр. и доп. – Минск, 1975.
8. Еникеев М.И. Общая и юридическая психология: Учебник. – Часть 1. – М., 1996.
9. Иванов В.Ф. Уголовно-правовая оценка понуждения. – Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1986.
10. Кабаченко Т.С. Активизация человеческого фактора: методы психологического воздействия // Психологический журнал. – № 4. – 1986. – С. 11–13.
11. Ковалев Г.А. О системе психологического воздействия (к определению понятия) // Психология воздействия (проблемы теории и практики): Сборник научных трудов / Под ред. А.А. Бодалева. – М., 1989. – С. 58–63.
12. Криминалистика. – М., 2001.
13. Куликов В.Н. Социально-психологические аспекты суггестии. – Дисс. ... канд. психол.наук. – Л., 1974.

14. Лазарев В.В. Правомерное поведение как объект юридического исследования // Советское государство и право. – № 10. – 1976. – С. 30.
15. Левертова Р.А. Ответственность за психическое насилие по советскому уголовному праву. Учебное пособие. – Омск, 1978.
16. Начаев Л.Т. Конфликтные ситуации при допросе и их разрешение в процессе расследования преступлений. – Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1988.
17. Новик Ю.И. Психологические проблемы правового регулирования. – Минск, 1989.
18. Оксамытный В.В. Правомерное поведение личности. – К., 1985.
19. Ольшанский В.Б. Межличностные отношения. // В кн.: Социальная психология / Под ред. Г.П. Предвечного, Ю.А. Шерковина. – М., 1975.
20. Панасюк А.Ю. Психологические основы убеждающего воздействия. – Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. – М., 1992.
21. Пушков В.Г. Специфика психологического воздействия в следственной практике // Психологический журнал. – Т. 18. – № 1. – 1997. – С. 146–156.
22. Пушков В.Г. Профессионально-психологическое воздействие в процессе расследования преступлений. – Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2000.
23. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. – М., 2001.
24. Ратинов А.Р., Ефимова Н.И. Психология допроса обвиняемого. – М., 1988.
25. Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М., 2002.

Волков А.А.

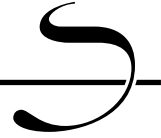
Профессиональная самореализация сотрудников милиции общественной безопасности: проблема личностных трансформаций

У сотрудников милиции общественной безопасности личностные трансформации существенно влияют на особенности профессиональной самореализации, при этом динамика трансформаций личностной сферы сотрудников милиции общественной безопасности на разных уровнях профессиональной самореализации может проявляться в виде стратегий, обеспечивающих возможность переживать опыт связей с миром как устойчивое отношение, включающее в себя субъективное ощущение и точку зрения относительно (принятия или неприятия, выделение значимых профессиональных перспектив). Это дает возможность выявить и описать стратегии трансформаций ценностно-смысловой сферы как позитивные – обеспечивающие высокий уровень профессиональной самореализации и кризисные – ведущие к деформациям и даже регрессам в отношениях с окружающими людьми и общественными (социальными) структурами.

Ключевые слова: личность, смысловая сфера личности, трансформации и деформации личностной сферы, ценностно-смысловые трансформации, кризисные стратегии, стратегия индивидуального отношения к ценностно-смысловым барьерам.

В настоящее время проблема развития и использования человеческого потенциала рассматривается в новом аспекте. Более высокие требования предъявляются к самостоятельности, креативности, инициативности и предприимчивости человека во всех сферах жизни, что вызвано происходящими в обществе изменениями. Человек входит в жизненный мир, картина которого меняется чрезвычайно быстро. В границах жизни одного поколения глубоко преобразуются экономика и технологии, политические приоритеты, социокультурные отношения и мировоззренческие устои. «Вместо архаичного общества, в котором вожди думают и решают за всех, наша страна станет обществом умных, свободных и ответственных людей» (Медведев Д.А.).

Однако, стремительная динамика социально-экономической ситуации множит и обостряет разнообразные кризисные явления, которые проникают в различные жизненные контексты (семейные, референтные, профессиональные) обостряя внутренние противоречия между личностью и внешним окружением, порождая различные личностные трансформации и кризисы. Проблема влияния профессиональной деятельности на личностные особенности профессионала на различных этапах приобретает новые трактовки. Как показывают исследования, каждая профессия предъявляет к личности свои требования (А.С. Гусева, А.А. Деркач, С.Т. Джанерьян, П.Н. Ермаков, Э.Ф. Зеер, А.Д. Кибанов, И.Б. Котова, Е.А. Могилевкин, Т.П. Скрипкина), тем более объемные и настоятельные, чем сложнее и ответственнее ее содержание, чем в большей степени сама специфика этой деятельности зависит от социально-экономической и политической ситуации в обществе. В то же время сама профессиональная деятельность, будучи значимой для человека, оказывает заметное влияние на его ценностные

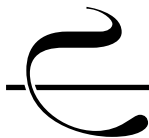

ориентеры, смысложизненные установки, мотивы деятельности (И.В. Абакумова, К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, Л.И. Анцыферова, А.Г. Асмолов, А.А. Бодалев, А.А. Деркач, С.Т. Джанерьян, А.И. Донцов, П.Н. Ермаков, Ю.М. Забродин, Е.А. Климов, В.Б. Ольшанский, А.В. Петровский, А.А. Реан, З.И. Рябкина, В.И. Слободчиков, В.В. Столин, В.Д. Шадриков, Д.И. Фельдштейн, М.С. Яницкий).

Особый интерес у психологов и специалистов кадровых служб занимают проблемы личностных трансформаций и деформаций, обусловленных профессиональной деятельностью. При всем многообразии работ в этой отрасли, до настоящего времени наблюдается дискретность и эклектизм в трактовке самих базовых понятий проблемы. Так категория «личностные трансформации» чаще всего трактуется или с позиций депрессивных изменений на протяжении стрессовых ситуаций, или преимущественно реабилитационно-коррекционной проблематике. Особый интерес данная категория получила в рамках деятельностно-смыслового подхода (Асмолов А.Г.), который в последнее время инициировал переосмысление многих категорий современной психологии. Как и в традиционной психологии, где определение «на более полную позитивную трактовку этот термин получает в горизонте феномена темпоральности, который отличается от линейного, дискретного физического времени и представляет собой превращение структуры формации личности (в том числе, смысловой) из одной формы существования в другую форму существования посредством преобразующей, превращающей транзитной работы» (Магомед-Эминов М.Ш.). Это определение позволяет выйти на новые направления в исследовании личностных изменений в различных профессиональных контекстах, рассмотреть личностные трансформации не только с позиции регрессии и негативных изменений, но и понять как в профессиональном контексте личность становится более устойчивой, целеустремленной и самореализованной. Данный подход позволяет осуществить анализ ценностно-смыслового содержания профессиональной деятельности и динамических составляющих ее мотивации, выявить специфические особенности смысловой сферы личности именно в профессиональном контексте, с позиции позитивных приобретений и негативных утрат, при этом ценностно-смысловое содержание профессиональной деятельности наиболее отчетливо проявляется в самореализации, в качестве важнейшего показателя которой в данной работе мы рассматривали «меру удовлетворенности человека процессом своего труда» (Р.А. Зобов, В.Н. Келасьев),

Особый раздел современных антропоцентристских наук (А.В. Бударов, Т.А. Жалагина, В.И. Степаненко, Т.А. Хагуров, В.А. Ядов), но, прежде всего, психологии (Б.Г. Бовин, С.Е. Борисова, О.А. Елдышова, А.И. Китов, А.К. Маркова, Н.И. Мягих, А.Д. Сафронов, Д.О. Трунов), связан с изучением личностных деформаций и изменений в тех профессиях, которые в наибольшей степени ориентированы на непосредственное поддержание стабильности и безопасности в обществе, направлены на обеспечение правопорядка, безопасности граждан и их имущества, особенностью работы на «конфликтных» и «постконфликтных» территориях нашей страны (Марьян М.И., Касперевич Ю.Г.). По мнению Енгальчева В.Ф., в силу многопрофильного характера юридической психологии, принадлежащей сразу двум наукам – психологии

Статья ретрагирована
article retracted
04.10.2018

и праву – особое место занимают междисциплинарные исследования, совершаемые на ее стыках с другими направлениями психологии, либо родственными науками: юридической педагогики и психопедагогики (А.М. Столяренко, И.Б. Пономарев, В.П. Трубочкин и др.), юридической лингвистики и психолингвистики (В.И. Батов, В.П. Белянин, В.П. Морозов, И.М. Резниченко и др.), судебной психологии и психиатрии (А.С. Андреев, Ю.М. Антонян, С.Г. Бецков, С.Н. Боков, А.О. Бухановский, Н.В. Дворянчиков, И.А. Кудрявцев, О.Ю. Михайлова, Б.В. Шостакович и др.).

В настоящее время накоплен огромный материал, посвященный проблемам совершенствования профессиональной деятельности специалистов правоохранительных органов и иных государственных структур, связанных с охраной правопорядка (В.С. Стеллецкий, П.П. Боронов, С.П. Гезенов, В.П. Бабилев, А.А. Дедюхин, О.А. Лихойнов, А.И. Попкин, В.И. Поздняков, А.И. Столяренко, А.В. Матишов, Ю.В. Рыжиков). Проблема выявления нежелательных трансформаций смысложизненных ориентаций личности посвящены работы В.И. Деева и А.Н. Сметова. А.Н. Шатохин выделяет признаки ценностных деформаций: «различивание» сотрудников ОВД, социальное ожидание и пассивность, острое ощущение вражды к себе со стороны населения, оценка собственной профессии как мало престижной, отношения конкуренции, антипатия к предложениям других служб милиции, В.С. Трубочкин в качестве одного из признаков профессиональной деформации сотрудников ОВД приводит феномен социально-психологической субъективной переоценки сотрудниками милиции своей социальной роли, а А.Н. Роша предлагает называть это явление «профессиональным эгоизмом», однако до настоящего времени нет целостного исследования личностных трансформаций связанных с особенностями правоохранительной деятельности с точки зрения деятельностно-смыслового подхода,

Несмотря на очевидный общественный и научный интерес к повышению профессиональной компетентности сотрудников милиции общественной безопасности представляется особенно важным психологические исследования по изучению личностных трансформаций у рядового и младшего начальствующего состава милиции общественной безопасности, поскольку именно они являются трансляторами и непосредственными исполнителями норм правового взаимодействия гражданина и государства. Их профессиональная деятельность существенно отличается от деятельности в иных силовых структурах по многим основным показателям (А.М. Столяренко, И.Б. Пономарев, В.П. Трубочкин). От того, насколько профессионально, грамотно они осуществляют порученные им обязанности, непосредственно взаимодействуют с населением, во многом зависит реальный практический успех правоохранительных органов в целом, позитивный имидж сотрудников милиции, вера населения в то, что они действительно выполняют миссию, возложенную на них государством. «Вектор, который мы взяли четыре года назад, – вектор социальной милиции. Это правоохранительный институт правового демократического государства, стоящий на страже конституционных прав и свобод граждан» (Нургуалиев Р.Г.). В решениях МВД РФ и других документах (Законодательство субъектов Российской Федерации об административной ответственности в сфере

Статья ретрагирована
article retracted
04.10.2018

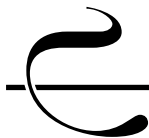
охраны общественного порядка) неоднократно отмечалась необходимость повышать уровень профессиональной подготовки личного состава органов внутренних дел, особенно в свете государственных приоритетов. Нарастающая сложность задач общественной, экономической и социальной жизни с одной стороны, и возросшие требования к эффективности деятельности, с другой, повышают роль выполнения этих указаний, а также научного изучения проблемы целостного пролонгированного исследования личностных трансформаций сотрудников МВД на различных уровнях профессиональной самореализации. Многие авторы рассматривают самореализацию как ценностно-мотивационный компонент структуры личности (К.А. Абульханова-Славская, Н.А. Аминов, А.А. Бодалев, В.А. Бодров, Е.И. Головаха, К.И. Гуревич, А.И. Дерманов, В.И. Зазулкин, Г.В. Зиндальев, Н.Б. Кутыркин, А.П. Петрищев и др.). Данные проблемы активно исследуются Санкт-Петербургской школой психологии (М.Б. Березин, И.Б. Дерманова, Л.А. Коростылева, Н.Е. Кравченко, Ю.Н. Кулюткин, А.А. Реан, Л.А. Рудневич, Е.Д. Рыбалко, О.С. Светова, Е.И. Степанова и др.). Наряду с тем, что термин «самореализация» нередко упоминается авторами научной литературы дефиниции его отсутствуют, в том числе и в большой советской энциклопедии и в словарях русского языка, отмечает Л.А. Коростылева (1997). Термин «самореализация» (self-realisation) впервые приводится в словаре философии и психологии издания 1902 года в Лондоне. Однако акцент в трактовке «Самореализация – осуществление возможностей «Я». Л.А. Коростылева рассуждает далее, что наиболее близко к понятию «самореализация» понятие «самоосуществление». При этом «самоосуществление» в зарубежных словарях трактуется как свершившийся результат самореализации. Именно самореализацию возможно рассматривать как личностное образование, которое в наибольшей степени отражает специфику влияния профессионального контекста на личностные трансформации.

Противоречие возникшее между социальным заказом государства по подготовке сотрудников милиции общественной безопасности высокой профессиональной квалификации, свободных от целевых установок коррумпированного сознания и реальный дефицит целостных исследований по проблеме выявления личностных трансформаций тех, кто непосредственно работает в этой отрасли определило проблему исследования, которое проводилось в течении почти 10 лет на территории Северокавказского и Южного федеральных округов России. В процессе теоретической и эмпирической работы психологи старались определить те изменения, которые не просто свойственны каждому человеку, живущему в современных условиях, но выявить и проанализировать те базовые трансформации ценностно-смысловой сферы сотрудников МВД, которые становятся психологическим барьером в их успешной профессиональной самореализации, существенным и значимым препятствием на пути исполнения их профессионального долга.

Теоретическая и практическая части исследования проводились в несколько этапов:

1 этап – поисково-теоретический, включал анализ психологических и юридических источников по проблеме исследования. На этом этапе была

**Статья ретрактирована
article retracted
04.10.2018**

выделена проблема, сформулированы цели и задачи исследования, рассмотрены методологические и теоретические подходы к проблеме самореализации с позиций профессионального выбора и профессиональной направленности личности в условиях специфического контекста деятельности, ориентированного на поддержание правовых норм взаимодействия граждан и государства, сформирован инструментарий, разработаны анкеты, отобраны диагностические методики, определена общая логика и детализированная программа исследования.

2 этап – диагностико-экспериментальный. На этом этапе был проведен сравнительно-диагностический анализ личностных трансформаций на разных этапах профессиональной самореализации сотрудников милиции общественной безопасности в различных регионах, с разным уровнем профессионального стажа, разработана и апробирована программа преодоления ценностно-смысловых барьеров в профессиональной деятельности. Разработана модель психологического сопровождения сотрудников милиции общественной безопасности в процессе преодоления ценностно-смысловых барьеров в профессиональной деятельности.

3 этап – описательно-итоговый, дал возможность обобщить теоретические и эмпирические материалы о личностных трансформациях и выявить генезис профессиональных затруднений как ценностно-смысловых барьеров в процессе самореализации в работе сотрудников милиции общественной безопасности, описать критерии и характеристики психологической готовности к работе в милиции общественной безопасности.

Полученные данные позволили сделать следующие выводы.

1. Для выведения проблемы личностной трансформации на новый уровень психологического осмысления необходимо рассмотреть ее в контексте профессиональных особенностей, анализируя как именно профессиональная реальность влияет на личностное не только разрушая и деформируя ее, но и как фактор, стимулирующий развитие ее ценностных интенций. Данный подход позволяет осуществить анализ ценностно-смыслового содержания профессиональной деятельности и динамических составляющих ее мотивации, выявить специфические особенности смысловой сферы личности именно в профессиональном контексте, с позиции позитивных приобретений и негативных утрат,

2. Профессиональная деятельность, в том числе и специфика деятельности сотрудников милиции общественной безопасности, обуславливает личностные трансформации которые существенно влияют на особенности профессиональной самореализации. Динамика трансформаций личностной сферы сотрудников милиции общественной безопасности на разных уровнях профессиональной самореализации проявляется в виде устойчивых смысложизненных стратегий, обеспечивающих возможность переживать опыт связей с миром в контексте профессиональной деятельности как устойчивое отношение, включающее в себя субъективное ощущение источника собственного опыта (принятие решения, ответственность, выделение значимых профессиональных перспектив).

3. Стратегии трансформаций ценностно-смысловой сферы могут типологизироваться как позитивные – обеспечивающие высокий уровень профессиональной самореализации, и как кризисные – ведущие к деформациям и даже регрессиям в отношениях с окружающими людьми и общественными (социальными) структурами:

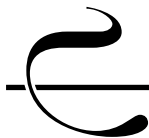
– сотрудники с позитивными стратегиями, ориентированы в своих смысложизненных устремлениях на саморазвитие, отличаются наибольшей структурированностью и последовательностью в ситуациях личного выбора. Они продуктивны в нахождении промежуточных смыслов своих действий, им свойственна активная и просоциальная мировоззренческая позиция ($r = 0,3$; $p < 0,01$);

– кризисные стратегии обусловлены наличием ценностно-смысловых барьеров, которые возникают в процессе профессиональной деятельности, препятствуя самореализации личности в этом важнейшем жизненном контексте. Ценностно-смысловые барьеры присущие сотрудникам милиции общественной безопасности отличаются от различных и взаимосвязанных субъективных факторов. К объективным (интерперсональным) факторам относятся регламент профессиональной деятельности (было выявлено, что у участковых и сотрудников ДПС они различны и профессионального стажа $r = 0,4$; $p < 0,01$);

– к субъективным факторам наиболее значимыми являются: уровень развития смысловой сферы самого сотрудника ($r = 0,4$; $p < 0,001$), особенности его профессиональной мотивации ($r = 0,4$; $p < 0,001$), ценностные ориентации ($r = 0,3$; $p < 0,05$), и общая направленность личности ($r = 0,383$; $p < 0,01$). При этом существенным является направленное воздействие со стороны профессионального окружения, ориентированное на формирование соответствующих смысловых установок как важнейшего катализатора интроспективных потребностей и как следствие, тех его смысловых интенций, которые выводят, со временем, личность на уровень самореализации, в форме потребности в самопонимании ($r = 0,278$; $p < 0,05$), рефлексии ($r = 0,3$; $p < 0,05$), самооценке ($r = 0,2$; $p < 0,05$) при анализе успехов и неудач в процессе профессиональной деятельности.

4. Наиболее часто ценностно-смысловые барьеры возникают в связи с отсутствием рефлексии ($r = 0,4$; $p < 0,001$), затруднениями в вербализации самоотношения и экстрополяции личного смысла в новые профессионально необычные ситуации. Эти барьеры проявляются в затрудненной смысловой актуализации соотношения внешнего объекта деятельности с внутренней потребностью, невозможностью субъективного переноса смыслового содержания одной ситуации в другие профессиональные условия.

5. Модель психологического сопровождения и коррекции сотрудников милиции общественной безопасности, находящихся на разных уровнях профессиональной самореализации, основанная на преодолении ценностно-смысловых барьеров и формировании позитивных ценностно-смысловых установок в контексте профессиональной деятельности может быть реализована через повышения общего уровня психологической готовности к профессиональной деятельности.

Основными видами специальных занятий по курсу психологической подготовки, оправдавшими себя в ходе эксперимента, являются:

- занятия на полосе препятствий психологической подготовки и площадках для эмоционально-волевых упражнений, тренировки элементов волевой саморегуляции;
- психорегулирующие тренировки по преодолению ценностно-смысловых барьеров. В качестве продуктивных могут быть рекомендованы учебные ситуации содержательно ориентированные на разделение «Я» и «Мое», через актуализацию «Я», учебные ситуации, направленные на организацию одновременной представленности сознанию двух или больших отношений, ситуации направленные на осознание факта переключения или смены отношения учебной ситуации к ориентации на базисные или установленные ранее виды связи между временными отношениями;
- занятия в психологически сложных ситуациях оперативно-служебной деятельности по типу конкретных ситуаций; Различают три этапа реализации конкретных ситуаций по их структуре: стартовая, в структуре процесса обучения стартовая, текущая и итоговая. Стартовая конкретная ситуация формируется в начале учебного занятия. Текущая – на этапе выхода из стартовой, существует и непрерывно изменяется вследствие преобразования учебным предметом и ведущими действиями преподавателя. Итоговая конкретная ситуация является главной составляющей конца учебного занятия и отражает как сложившееся состояние обученности обучаемого, так и особенности трансформации его ценностного отношения к изучаемому, на основе которой будет складываться очередная стартовая ситуация. Стартовая и итоговая конкретная ситуации показывают особенности содержательно-смысловых трансформаций, а текущая – мотивационно-динамические изменения у обучаемого с использованием конкретных ситуаций. Общая процессуальная структура системы операционализации конкретных ситуаций заключается в том, что из потенциального центра смыслообразования поступает информация-импульс на уровень актуализации смысла, побуждающая обучаемого к действию. Потенциальный центр смыслообразования функционирует в соответствии со смысловым уровнем развития обучаемого. Обучаемый (как носитель потенциального смысла) выполняет действия по преобразованию объекта учения (содержание конкретной ситуации), который при этом проявляет свои свойства. Обучаемый воспринимает проявление этих свойств как инициацию к смыслообразованию, в результате приобретаются дополнительные возможности действия в конкретной ситуации и актуализируется личностный смысл самой конкретной ситуации. К преподавателю также поступает информация о том, что обучаемый уже усвоил на уровне личностного присвоения, поэтому он может направлять дополнительную информацию как инициацию о том, что обучаемый уже усвоил как новый этап смыслообразования и проникновения на качественно новом уровне.

Специальными занятиями по курсу психологической подготовки достигается существенное повышение уровня профессионально-психологической подготовленности. В проведенных экспериментах удалось:

Статья ретрактирована
article retracted
04.10.2018

- улучшить показатели результатов работы выпускников по задержанию преступников на 43 %;
- психологическую устойчивость к специфическим условиям решения оперативно-служебных задач повысить на 53 %;
- поднять уровень профессионально-психологических умений на 66 %.

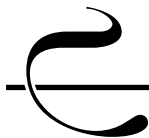
В целом психологическая подготовленность слушателей к оперативно-служебной деятельности повысилась на 62 %. Необходимо отметить, что полученные результаты удалось достигнуть даже при наличии некоторых недостатков в организации занятий, их методике, уровне педагогического мастерства преподавателей, недостатков материально – технического характера.

Перспективы исследования «Особенности психологической подготовки слушателей с целью повышения эффективности проведения психологической подготовки и успешного формирования психологической подготовленности выпускников учебных центров МВД, УВД» выступают:

- совершенствование организационно-методической подготовки;
- детализация планирования психологической подготовки;
- повышение внимания к организации и методике проведения занятий по психологической подготовке;
- учет и адекватная оценка достигнутых результатов;
- кадровое обеспечение психологической подготовки;
- улучшение материально-технической базы психологической подготовки сотрудников милиции общественной безопасности.

Литература

1. Енгалычев В.Ф. Психологические основы вузовской подготовки специалистов в юридической психологии: Дис.... д-ра психол. наук. – СПб., 2006. – 530 с.
2. Зобов Р.А., Келасьев В.Н. Человеческое самореализация человека. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2008. – 461 с.
3. Коростылева Л.А. Психология самореализации личности. Личностные затруднения в профессиональной сфере. – СПб.: Издательство Речь, 2005. – 222 с.
4. Магомед-Эминов М.Ш. Определение экстремальной ситуации // Российский психологический журнал. – Т. 6. – № 2. – 2009. – С. 17–24.
5. Магомед-Эминов М.Ш. Повседневный и неповседневный жизненные миры личности // Вестник университета. Государственный Университет Управления. – № 4. – 2009. – С. 67–70.
6. Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация самоидентичности личности при горе / М.Ш. Магомед-Эминов // Развитие личности. – 2009. – № 1. – С. 110–120
7. Марьин М.И., Касперович Ю.Г. Психологическое обеспечение антитеррористической деятельности. – М.: Академия, 2007. – 237 с.
8. Медведев Д. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Аналитика событий в России. – 12 ноября 2009.

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ

Казьменкова Н.А.

Особенности психологического состояния матерей лиц с патологическим влечением к азартным играм и алкогольной зависимостью

Статья посвящена исследованию, целью которого являлось изучение актуального психологического состояния матерей лиц с патологическим влечением к азартным играм и лиц с алкогольной зависимостью. Работа была проведена на базе лечебно-реабилитационного научного центра «Феникс» (г. Ростов-на-Дону), отделения аддиктивной патологии и отделения терапии больных алкоголизмом научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева («ГУ СПб НИПНИ им. В.М. Бехтерева») (г. Санкт-Петербург).

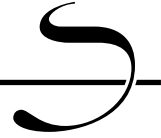
Ключевые слова: матери лиц с зависимостью; патологическое влечение к азартным играм; алкогольная зависимость.

Проблема зависимости была и остаётся актуальной для российского общества. В наркологии принято разделять зависимость на химическую (токсикомания, алкоголизм, наркомания) и нехимическую (зависимость от азартных игр, Интернет-зависимость, пищевые аддикции и др.). В данной работе рассматривается химическая (алкоголизм) и нехимическая (патологическое влечение к азартным играм) зависимости.

Зависимость близкого отражается на всех членах семьи, часто становится источником соматических, нервно-психических и поведенческих расстройств. В свою очередь, исследования близких родственников пациента с зависимостью остаются малочисленными. Как правило, эти работы в большей степени касаются проблем лиц с химической зависимостью и их близких [1]. Работы, посвящённые семьям больных нехимической зависимостью, в частности патологическим влечением к азартным играм, крайне редки, и проводятся в основном зарубежными авторами [3, 4].

В связи с выше изложенным представляется актуальным проведение исследования, посвящённого анализу психологического состоянию близких родственников лиц как с зависимостью от азартных игр, так и с зависимостью от алкоголя.

Цель – анализ актуального психологического состояния матерей лиц с зависимостью от азартных игр и лиц с зависимостью от алкоголя в связи с задачами психокоррекции.

Для определения уровня психологической адаптации матерей лиц с зависимостью были использованы клинико-психологический (беседа, формализованное интервью) и экспериментально-психологический методы. В качестве экспериментально-психологических методик был использован: Я-структурный тест Аммона [2].

Работа была проведена на базе лечебно-реабилитационного научного центра «Феникс» (г. Ростов-на-Дону), отделения аддиктивной патологии и отделения терапии больных алкоголизмом «ГУ СПб НИПНИ им. В.М.Бехтерева» (г. Санкт-Петербург).

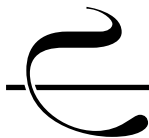
В обследовании приняли участие 61 мать, в возрасте от 41 до 72 лет (средний возраст – $54,6 \pm 1,99$). Распределение по уровню образования в группе следующее: 3 (5 %) имеют среднее образование, 18 (29 %) – среднее специальное образование, 4 (5 %) – неоконченное высшее, 37 (61 %) – высшее образование. На момент проведения исследования 21 (52,5 %) человек из всех обследованных состояли в браке; 18 (30 %) – не работали, занимались домашним хозяйством; 42 (70 %) – имели постоянную работу; 59 (96,7 %) обследованных имеют сыновей, 2 (3,3 %) – дочерей. Активное участие в терапевтических мероприятиях принимали 54 (88,5 %) человека из всех.

Жалобы на наличие соматических заболеваний предъявили 50 (81 %) обследованных, при этом 33 (54,1 %) связывали появление и обострение заболевания с зависимостью взрослого ребёнка. О наличии суицидальных мыслей сообщили 16 (26,2 %) матерей, при этом 5 (8,2 %) матерей лиц с зависимостью от азартных игр угрожали суицидом сыну на фоне скандала, связанного с игрой. В беседе с психологом они уточняли, что не готовы это сделать. Мотивом продолжения жизни является помощь сыну. Типичным для всех этих матерей является следующее высказывание одной из них: «Я не смогу это сделать; я понимаю, что не могу это сделать, так как сын не сможет без меня, кто ему ещё поможет?!». 11 (18 %) матерей лиц с алкоголизмом опасаются преждевременной смерти вследствие сильных переживаний, связанных с зависимостью сына, главным мотивом для дальнейшей жизни служит также помощь сыну: «Я ему говорю, что «ты меня в гроб загонишь своими пьянками, останешься один, кто тебя тогда тащить будет?»; боюсь, что он останется в таком положении один, никто ему не поможет, всю жизнь я ему помогаю, всё делаю».

Никто из обследованных матерей не состоял на учёте в психоневрологическом диспансере, только несколько человек обращались за помощью к психологу, психотерапевту. Мотив обращения – химическая/нехимическая зависимость взрослого ребёнка.

Для определения уровня психологической адаптации обследованных были проанализированы и типологизированы профили, полученные с помощью Я-структурного теста Аммона. При типологизации профилей были использованы следующие принципы: высота и структура профиля, преобладающая шкала в профиле (конструктивная/ деструктивная/ дефицитарная).

В результате были выделены следующие типы профилей: конструктивно-установочные; нормативно-реалистические; пограничные; дезадаптивные.

Конструктивно-установочные – профили, в которых преобладает конструктивная шкала, а значения большинства шкал лежат в рамках нормативного диапазона, от 42 до 58 (здесь и далее цифровые значения шкал приводятся в Т-баллах).

Нормативно-реалистические – профили, в которых значения большинства шкал лежат в рамках нормативного диапазона, от 42 до 58. Отсутствуют выраженное снижение или повышение по какой-либо шкале, нет пиков.

Пограничные – профили, в которых значения большинства шкал приближаются к границе нормы или незначительно выходят за её пределы. Встречаются пики по отдельным Я-функциям.

Деадаптивные – профили, в которых значения большинства шкал заметно отклоняются от нормативного диапазона. Показатели по конструктивной шкале, как правило, не достигают нижней границы нормы и имеют более низкие значения в сравнении с показателями по деструктивной, дефицитарной шкалам в пределах одной Я-функции.

По частоте встречаемости профили распределились следующим образом: группа деадаптивных профилей оказалась самой большой – 24 (40 %), группа пограничных профилей – 21 (35 %), конструктивно-установочных – 9 (15 %), нормативно-реалистических – 6 (10 %). Полученные данные указывают на наличие у большинства (75 %) из обследованных общего неблагополучия, достаточно выраженной психологической деадаптации, проявляющейся во всех сферах «Я».

Эти данные указывают на то, что ситуация зависимости взрослого ребёнка оказывается для обследованных матерей сложной и трудноразрешимой. Может приводить к изменению привычного функционирования самой матери, к кризисным состояниям, чреватых тяжёлыми осложнениями, вплоть до суицида, как показывают наши данные.

В целом полученные результаты позволяют говорить о том, что зависимость взрослого ребенка сказывается на уровне адаптации матерей, зачастую деадаптируя их. В связи с этим матери лиц с зависимостью, должны быть включены в психокоррекционные мероприятия, что является важным не только для гармонизации их состояния, но и, вероятно, повысит эффективность реабилитационных программ для самих зависимых.

Литература

1. Руководство по аддиктологии / Под ред. проф. В.Д. Менделевича. – СПб.: Речь, 2007. – 768 с.
2. Я-структурный тест Аммона. Опросник для оценки центральных личностных функций на структурном уровне: Пособие для психологов и врачей. / Авт. сост.: Ю.Я. Тупицын, В.В. Бочаров, Т.В. Алхазова и др. – СПб., 1998. – 47 с.
3. Giarrocchi J.W. Counseling problems gamblers: A self-regulation manual for individual and family therapy. New York: Academic Press. – 2002.
4. Hohmann A.A. The family environment of married male pathological gamblers, alcoholics, and dually addicted gamblers. *Journal of Gambling Studies*. – 1989. – N 4. – P. 283–291.

Тамбиева Б.Р.

Особенности психологической компетентности менеджера ресторана: опыт эмпирического исследования

В статье обоснована актуальность проведённого исследования, сделан теоретический анализ трудов по проблеме психологических особенностей профессиональной подготовки менеджеров, а также приведены результаты собственного исследования автора по определению акмеологических особенностей развития психологической компетентности менеджера ресторана.

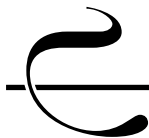
Ключевые слова: психологическая компетентность, профессиональная деятельность, психолого-акмеологические характеристики коммуникативной компетентности.

Для того чтобы быть успешным, современному специалисту необходимо непрерывно совершенствоваться в сфере своей профессиональной деятельности, обновлять базовые компетенции в соответствии с теми инновациями, которые в ней появляются едва ли не ежедневно. Только полная информированность в инновациях, появляющихся в профессиональной деятельности, позволяет человеку самому создавать что-то новое, достигать нового уровня эффективности своего труда, быть более привлекательным для работодателя и получать на этой основе большие бонусы в ужесточающейся конкурентной борьбе на рынке вакансий специалистов.

Однако специалистам, занятым в профессиях, основанных на взаимодействии с людьми, требуется не только исчерпывающая компетентность в специфике производимых товаров или услуг. Успешность конкретного специалиста в значительной части профессий неразрывно связана с тем, насколько он может компетентно, со знанием дела и уверенностью в себе выстраивать взаимоотношения с разными категориями людей – коллегами, руководителями, партнерами, поставщиками, клиентами, представителями контролирующих организаций. Современные исследования в области психологии показали, что таким специалистам для достижения достаточного уровня профессиональной успешности требуется обладание особым образованием – психологической компетентностью. Причем определенный уровень психологической компетентности должен проявляться специалистом уже с первых шагов его профессиональной деятельности, т.е. формироваться в период вузовского обучения.

Проблема психологических особенностей профессиональной подготовки менеджеров в настоящее время является широко изучаемой. В частности, новые подходы к профессиональной подготовке менеджеров представлены В.В. Швецовым и И.К. Ильясовым. К данной проблематике обращался М.Н. Берулава.

При этом значительное внимание уделяется психологическим механизмам профессиональной подготовки менеджеров. Содержание психологического обеспечения деятельности менеджера вскрыто Т.В. Шеломовой. Особенности

саморазвития менеджера рассматривались В.И. Андреевым. Развитие стрессоустойчивости менеджера составило спектр интересов О.В. Гладилкиной. Уверенность в себе как профессионально важное качество менеджера и особенности его становления в вузе составили предмет изучения О.А. Федосенко. Влияние мотивации достижения успеха на эффективность деятельности менеджера раскрыто Л.Г. Учайдзе. Особенности формирования самосознания менеджера при групповой интенсивной подготовке рассмотрены Т.И. Шашковой.

В ряде работ авторы обращаются к изучению непосредственно психологических особенностей профессиональной компетентности менеджера (Деркач А.А., Денисов В.Н., Денисова О.П., Дулин Ю.Н., Зазыкин В.Г., Зимняя И.А., Иголевиц Н.И., Милькина Е.В., Минияров В.М., Панасенко Г.В., Тарасов А.К., Уткин Э.А., Якокк Л. и др.). Как социально-психологический феномен профессиональная компетентность менеджера обозначена в работе Д.А. Барченкова. Вопросы становления качеств личности менеджера в процессе профессиональной подготовки проанализированы Е.В. Милькиной и Г.В. Панасенко. Формирование психологической готовности к управленческой деятельности у будущих менеджеров изучено В.М. Минияровым и О.П. Денисовой.

Немаловажный пласт исследований образован изучением внутренней сущности психологической компетентности менеджера. Психолого-акмеологические характеристики коммуникативной компетентности на примере менеджеров коммерческих организаций выделены В.Н. Кустовым.

Исследователями обозначены штрихи, характеризующие акмеологическую ценность психологической компетентности менеджера. В частности, Е.С. Масловой психологическая компетентность менеджера по персоналу рассмотрена в качестве значимой детерминанты выбора стратегий найма сотрудников на работу. Влияние линейных менеджеров на психологическую атмосферу в трудовых коллективах раскрыто С.А. Бобинкиным.

К настоящему времени накоплен некоторый теоретико-эмпирический материал, характеризующий особенности психологической компетентности менеджеров, занятых в конкретных сферах профессиональной деятельности. Так, Д.Н. Недбаевым раскрыты особенности профессиональной психологической компетентности менеджера образования. Акмеологический анализ индивидуальной профессиональной успешности менеджеров среднего звена энергетического комплекса проведен В.А. Шаповаловой и Е.В. Криченко. Личностные детерминанты становления менеджера сестринского дела изучен Е.Б. Алексеевой.

Вместе с тем, многие сферы профессиональной деятельности менеджеров со всей очевидностью требующие наличия у ее представителей психологической компетентности до сих пор остаются не охваченными научным поиском. Примером такой сферы профессиональной деятельности менеджеров является сфера ресторанного сервиса.

К настоящему времени сделаны лишь первые шаги, позволяющие составить самое общее представление о данной сфере деятельности (Кучер Л.С., Шкуратова Л.М.,

Ефимов С.Л., Голубева Т.И.). Вместе с тем, она выдвигает достаточно высокие требования к личности своих менеджеров. Особенно востребовано развитие их психологической компетентности.

Цель исследования – определить акмеологические особенности развития психологической компетентности менеджера ресторана.

Использовались следующие методики: диагностика коммуникативной толерантности (Бойко В.В.), тест «Коммуникативные умения» (Михельсон Л.), методика «Коммуникативные и организаторские способности» Синявского В.В., Федоришина Б.А., методика диагностики межличностных отношений Т. Лири (модифицирована Л.Н. Собчик), опросник межличностных отношений В. Шутца, опросник самооотношения (Столин В.В., Пантелеев С.Р.), «Диагностика эмоциональности» В.М. Русалова.

В качестве испытуемых выступили: менеджеры ресторана численностью 126 человек, а также 84 студента, проходящих подготовку в сфере ресторанного сервиса в Южно-российском университете экономики и сервиса в г. Шахты Ростовской области. В качестве экспертов выступило 15 человек – рестораторов, владеющих заведениями ресторанного сервиса в г. Ростове-на-Дону. Общая численность испытуемых, привлеченных к участию в исследовании, таким образом, составила 225 человек.

Изучение особенностей психологической компетентности менеджера ресторана проводилось по следующему алгоритму:

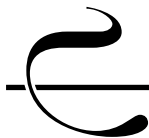
1) работа с экспертами по ориентировочному выявлению психологических характеристик личности успешного менеджера ресторанной сферы и получению экспертных оценок уровня профессиональной успешности менеджеров ресторана, вошедших в состав эмпирической выборки;

2) обследование менеджеров с разным уровнем профессиональной успешности и установление связи полученных в результате этого психологических характеристик с уровнем их профессиональной успешности;

3) выявление структуры психологической компетентности менеджера ресторана.

Работа с экспертами позволила установить, что в качестве психологических характеристик менеджера ресторана, позволяющих достичь профессионального успеха, наиболее часто рассматриваются следующие: коммуникативные способности и умения, независимость, терпимость к людям, доминантность в коллективе, лидерские черты, заинтересованность в людях, агрессивность, скептицизм, ответственность, самоуважение, уверенность в себе. Данные характеристики можно отнести к числу наиболее часто называемых. Наряду с уже обозначенным рядом, применительно к успешному менеджеру на единичном уровне назывались и такие характеристики, как понимание своих особенностей, «живость характера» (эмоциональность поведения), способность организовать себя и других людей и т.д.

Содержательный анализ группы наиболее часто называемых рестораторами характеристик успешного менеджера ресторана позволил выделить в их составе

три содержательно-смысловые группы: коммуникативные качества менеджера (коммуникативные способности, заинтересованность в людях, коммуникативные умения, терпимость к людям), его организационно-управленческие качества (доминантность в коллективе, лидерские черты, агрессивность, ответственность, независимость) и отношение к себе (самоуважение, уверенность в себе).

По количественному составу в группах названные рестораторами качества распределились неравномерно. Наибольшее количество значимых характеристик успешного менеджера ресторана могут быть причислены к организационно-управленческим, несколько меньшее – к коммуникативным качествам, меньше всего – к качествам, отражающим самоотношение менеджера ресторана.

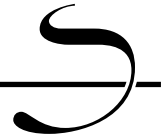
Анализ оценок рестораторами данных качеств с позиции их соответствия личности успешного менеджера ресторана легло в основу построения иерархии их значимости для данной группы субъектов. Было установлено, что всем выделенным качествам менеджеры приписали достаточно высокие баллы, так как средние оценки этих качеств оказались выше среднего – 5 баллов.

Следует отметить и то, что рестораторы связывали профессиональную успешность менеджеров ресторана с особенностями его отношения к людям: 3-е и 4-ое ранговые места в выстроенной иерархии качеств получили, соответственно, терпимость к людям (6,4 балла) и заинтересованность в людях (6,33 баллов).

Согласно высказываемым позициям, успешность менеджера ресторана напрямую зависит от того, как он проявляет себя в межличностных отношениях с подчиненными, клиентами, коллегами, руководством, поставщиками, смежными специалистами, представителями контролирующих структур и т.д. Наиболее успешными профессионалами рассматриваются менеджеры, способные наладить психологический контакт с любым человеком вне зависимости от его социальной роли или статусной позиции. Значимым является их умение расположить к себе людей, добиться с ними достаточного уровня взаимопонимания, высказать заинтересованность в их проблемах, получить ответную реакцию.

В силу профессиональных обязанностей, менеджеру ресторана достаточно часто приходится сталкиваться с различными трудностями межличностного взаимодействия – негативизмом, раздражительностью, грубостью, непониманием, конфликтностью и т.д. Данные трудности могут вызываться несовпадением точек зрения сторон на одни и те же обстоятельства в силу различий индивидуально-психологических, типологических, социально-культурных, религиозных и иных особенностей участников взаимодействия. Поэтому успешность менеджера ресторана в значительной степени определяется его способностью сохранить межличностные контакты, «вывести» общение в позитивное русло, проявив достаточную терпимость, толерантность к партнеру по взаимодействию.

Следующее ранговое место разделили два качества, характеризующие успешного менеджера ресторана, – лидерские черты и ответственность (5,5 ранг). С лидерскими чертами, по мнению рестораторов, должна сочетаться ответственность менеджера ресторана. Ответственность, в их понимании, распространяется не

только на свою непосредственную деятельность, но и на деятельность подчиненных, направленную на удовлетворение потребностей клиентов. Совпадение средних оценок значимости лидерских качеств и ответственности (по 6,27 баллов) отразило прослеживающуюся в высказываниях рестораторов идею о том, что для профессиональной успешности менеджеру ресторана важно осознавать свою ответственность за то, что происходит в ресторане, начиная со своей деятельности, заканчивая состоянием и настроением клиентов.

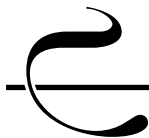
Достаточно высоко (7 ранг) рестораторами оценивается и самоуважение менеджера по ресторану (6,2 баллов). Уважение менеджером себя, своих знаний, умений, способностей, по мнению рестораторов, является залогом того, что он является компетентным специалистом, способным ставить перед собой не только актуальные, но и амбициозные задачи, а также решать их. Такой менеджер способен выступить эффективным руководителем «команды», организующим ее на повышение качества функционирования ресторана. Поэтому самоуважение рассматривается в качестве одного из значимых факторов профессиональной успешности менеджера ресторана.

Значимость умений менеджеров ресторана выстраивать эффективное взаимодействие с людьми объясняется также тем, что среди его личностных качеств рестораторами были отмечены коммуникативные умения (6,13 баллов, 8 ранг) и собственно коммуникативные способности (5,27 баллов, 11,5 ранг). Данные характеристики субъекта профессиональной деятельности также отражают особенности его поведения в коммуникативной сфере: сформированность умения быстро решать конфликты, оказывать людям поддержку, умение располагать к себе людей, слаженно работать в команде при наличии у партнеров разных умений и позиций и т.д.

Следующим по значимости (10 ранг) выступило качество «уверенность в себе», характеризующее отношение менеджера к себе как к личности и как к специалисту (6 баллов). В дополнительной беседе эксперты отметили, что только уверенный в себе менеджер способен вызвать уважение других людей, в первую очередь, своих подчиненных. Кроме того, уверенность в себе позволяет менеджеру адекватно оценивать качество своей деятельности, а также осуществлять планирование своих будущих достижений. Это позволяет ему быть более успешным в профессиональной деятельности.

Среди значимых для менеджера ресторана качеств была отмечена также независимость (5,27 баллов, 11,5 ранг). Данная характеристика отнесена нами к блоку организационно-управленческих качеств. В значительной степени это связано с высказываниями рестораторов о том, что менеджер должен обладать определенной самостоятельностью, способностью принимать решения и отвечать за них. Отсутствие таких качеств вызывает трудности в управлении рестораном и снижает профессиональную успешность менеджера.

Анализ рангового распределения рассмотренных качеств менеджера ресторана по трем группам позволяет отметить неравномерность их вклада в профессиональную успешность.

Согласно полученному распределению, приоритетное место, согласно представлениям рестораторов, занимают качества, свидетельствующие об организационно-управленческих качествах менеджера ресторана (независимость, доминантность, лидерские черты, агрессивность, ответственность). Средний ранг данной группы качеств оказался равным 5,1 единицы.

На втором месте по значимости в контексте профессиональной успешности менеджера ресторана оказались его коммуникативные качества (коммуникативные способности, заинтересованность в людях, коммуникативные умения, терпимость к людям). Средний ранг данной группы выделенных качеств успешного менеджера ресторана составил 6,6 единиц.

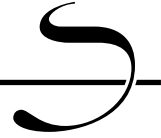
На третьем месте по значимости для успешности менеджера ресторана рассматриваются качества, отражающие отношение менеджера к самому себе (самоуважение, уверенность в себе). Средний ранг данной группы качеств составил 8,5 единиц.

Таким образом, несмотря на то, что при характеристике успешного менеджера рестораторы чаще упоминают его коммуникативные качества, в качестве наиболее значимых характеристик при анализе его успешности ими называются организационно-управленческие качества.

На основе исследования автором разработана акмеологическая технология развития психологической компетентности менеджера ресторана. Проведение на ее основе интегрированного курса, включающего лекционные и практические занятия, а также практику психологического консультирования, подтвердило эффективность сформулированных подходов и подобранных форм и методов работы.

Литература

1. Андреев В.И. Конкурентология. Учебный курс для творческого саморазвития конкурентоспособности. – Казань: Центр инновационных технологий, 2004. – 468 с.
2. Гладилина О.В. Акмеолого-психологические особенности деятельности менеджера кадровой службы в коммерческих организациях: автореф. дис.... канд. псих. наук: 19.00.13. – М, 2007.
3. Деркач А.А., Семенов И.Н., Балаева А.Ф. Рефлексивная акмеология творческой индивидуальности: Учебно-методическое пособие. – М.: Изд-во РАГС, 2005. – 196 с.
4. Тарасов А.К. Модели анализа и оптимизации организационно-управленческих структур в условиях конкуренции: дис.... канд. техн. наук: 05.13.10. – Москва, 2006. – 111 с.
5. Шеломова Т.В. Социально-психологическое обеспечение деятельности менеджера: дис.... канд. психол. наук: 19.00.05. – Москва, 2001. – 147 с.

Гамила Мухамед Насер Ахмед

Психологические последствия сексуального
и физического насилия у йеменских детей 6–11 лет

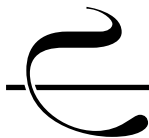
В статье представлены результаты эмпирического исследования психологических последствий сексуального и физического насилия по отношению к детям в Йемене. Они отражаются в искажении личностного развития детей, изменении их поведения, мышления, выраженности у них признаков ПТСР.

Ключевые слова: ПТСР, изменение поведения, психологические последствия насилия.

В последние десятилетия в связи с нестабильностью политической, экономической и социальной обстановки в Йемене насилие по отношению к детям распространилось как социальное явление. В арабском обществе такая информация является традиционно скрытой, соответственно, целенаправленного исследования психологических последствий насильственных физических и сексуальных действий по отношению к детям не проводилось. Актуальность данной тематики объясняется тем, что психотравмирующие события могут приводить к развитию аффективных расстройств и социальной дезадаптации различной степени выраженности, а также считаются прогностическим фактором развития нарушений психической сферы.

Теоретической основой проведённой работы явились модели развития ПТСР – психологическая, биологическая и мультифакторная, современные представления о причинах и динамике развития ПТСР (В.В. Знаков, (1989, 1990), Н.В. Тарабрина (1992–2009), Е.М. Черепанова (1997), Л.И. Анцыферова (1994) и др. Цель работы: исследование психологических последствий сексуального и физического насилия у йеменских детей. Предмет исследования – компоненты посттравматического стрессового расстройства. Были опрошены 80 детей от 6 до 11 лет, учащиеся общеобразовательных школ г. Адан, Йемен, подвергшиеся сексуальному, а также сексуальному и физическому насилию.

Психологические последствия насилия по отношению к детям диагностировались методиками: «Полуструктурированное интервью для оценки травматических переживаний детей» [4]; опросник «Качество жизни при посттравматическом стрессовом событии» [1]; опросник PAQ (состоит из вопросов, объединённых в 7 шкал: агрессия, зависимость, самооценка, самоуправление, эмоциональная ответственность, эмоциональная стабильность, мировоззрение). Первые две методики фиксируют симптомы ПТСР на основании описания феноменов, адаптация этих методик на йеменский язык осуществлялась посредством двойного перевода. Третья методика адаптирована для арабского общества Момдохой Мохамедом Саламой на основе Child PAQ. Для обработки данных нами применялся статистический анализ данных, включающий использование критерия U Манна-Уитни и факторного анализа, посредством программы SPSS 13,0.

Обратимся к полученным результатам исследования. При анализе показателей опросника «Качество жизни при посттравматическом стрессовом событии»: шкалы «изменения в мышлении», «изменение положительных качеств на противоположные», «изменение внешне наблюдаемого поведения» оказалось, что показатели шкалы «изменение внешне наблюдаемого поведения» значительно выше остальных: среднее значение – 69,7. Менее других выражены данные по шкале «изменения в мышлении»: среднее значение – 47,3. Т.е. ПТСР у детей – жертв насилия наиболее затрагивает изменения поведения, а в наименьшей степени – мыслительную деятельность.

Перейдём к анализу результатов полуструктурированного интервью для оценки травматических переживаний детей и родительской анкеты для оценки травматических переживаний детей. Показатели шкал, соответствующих критериям А (немедленное реагирование), В (навязчивое воспроизведение), С (избегание), D (возросшая возбудимость) и F (нарушения функционирования), с точки зрения детей и их родителей, не одинаковы. Так, показатели по шкалам А, В, D и F выше в детской анкете, по сравнению с родительской. Это может быть связано с тем, что родители, стремясь дать социально желаемое описание поведения ребёнка, преуменьшают или скрывают симптомы посттравматического расстройства у детей, или же не замечают их. Это соотносится с тем, что показатели по шкале С выше в родительской анкете. Кроме того, показатели шкалы С выше других и в полуструктурированном интервью для оценки травматических переживаний детей, и в родительской анкете.

Сравнивая симптомы ПТСР в двух группах детей: подвергшихся только сексуальному (1 группа) и сексуальному и физическому (2 группа) насилию (критерий U Манна-Уитни), было выявлено, что в группе 2 симптомы ПТСР (по результатам «Полуструктурированного интервью для оценки травматических переживаний детей») А – «немедленное реагирование» и В – «навязчивое воспроизведение» выражены в большей степени; показатели шкал «изменение положительных качеств на противоположные» и «изменение внешне наблюдаемого поведения» (опросника «Качество жизни при посттравматическом стрессовом событии») – также выше; а показатели шкал «самооценка», «эмоциональная ответственность» и «эмоциональная стабильность» (опросник PAQ) – значительно ниже.

Факторный анализ данных исследования проводился по методу главных компонент. Для полуструктурированного интервью оказалось, что подавляющее число детей, подвергшихся насилию, имеет повышенную реактивность (фактор, включающий критерии А, В и D) в сочетании с тенденцией к избеганию. Ухудшение качества жизни наблюдалось у всех испытуемых, оно характеризовалось либо изменением поведения и мышления для трети обследованных детей, либо только мышления для половины выборки. При анализе личностных особенностей, которые определялись по методике PAQ, обращает на себя внимание фактор, названный нами «агрессивная зависимость» (включает шкалы опросника агрессия, зависимость, самооценка, самоуправление, эмоциональная стабильность). Для основной

части испытуемых присуща выраженная агрессивная зависимость в сочетании с изменениями в мировоззрении.

Итак, из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что дети в большей степени, чем родители выделяют такие симптомы посттравматического стрессового расстройства, как интенсивные негативные эмоции в момент травмы (беспомощность, страх, ужас), навязчивое повторение в переживаниях травматического события, симптомы возрастающего возбуждения, а также нарушения в социальной и других сферах жизнедеятельности. Возможно, родители в меньшей степени выделяют данные симптомы, потому что большинство этих симптомов не имеют явно видимых проявлений травматической реакции.

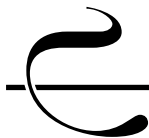
Можно предположить, что из всех симптомов посттравматического расстройства дети, подвергшиеся сексуальному и физическому насилию, и их родители выделяют как наиболее тяжелые такие симптомы, как избегание стимулов, связанных с травмой, а также блокировки эмоциональных реакций, оцепенения.

Оказалось, что дети – жертвы сексуального и физического насилия, в большей мере склонны к изменениям в поведении, занижено себя оценивают, эмоционально не стабильны и склонны к немедленному реагированию, имеют трудности в выражении положительных эмоций и возвращаются к психотравмирующей ситуации посредством навязчивого воспроизведения.

Исследование выявило ряд психологических последствий сексуального и физического насилия над детьми: выраженные признаки ПТСР, изменения в поведении и личности, которые свидетельствуют о «закрытости» травмирующей их ситуации для ближайшего окружения, недостаточности поддержки и помощи при переживании ими психотравмы.

Литература

1. Брызгунов И.П., Михайлов А.Н., Столярова Е.В. Посттравматическое стрессовое расстройство у детей и подростков. – М.: ИД «Медпрактика – М», 2008. – 144 с.
2. Венгер А.Л. Психологические рисуночные тесты: Иллюстрированное руководство. – М.: Изд-во ВЛАДОС_ПРЕСС, 2003. – 160 с.
3. Клиническая психология: учебник / Под ред. Б.Д. Карвасарского. – СПб: Питер, 2002. – 960 с.
4. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. – СПб: Питер, 2001. – 272 с.

Пашкова А.П.

Психолого-акмеологическое сопровождение молодых специалистов как фактор повышения их конкурентоспособности на рынке труда

В статье рассматриваются проблемы психолого-акмеологического сопровождения молодых специалистов на начальном этапе построения карьеры. Также описана модель такого сопровождения и результаты оценки ее эффективности.

Ключевые слова: психолого-акмеологическое сопровождение, адаптация молодых специалистов, личностный потенциал.

Динамизм и глобальный характер перемен, охвативших все сферы жизни российского общества, вызвал значительные изменения и в образовательной сфере. За попытками применения новых технологий в процессе обучения, практически перестала проводиться работа, связанная с адаптацией молодых специалистов к будущей профессиональной деятельности, отсутствуют службы или специалисты, которые осуществляли бы поддержку студентов в планировании карьеры, постановке целей и задач на ближайшее будущее. Чтобы внутренне соответствовать современной действительности, выпускники ВУЗов должны не просто адаптироваться к новой ситуации, но и быть способными трансформировать ее, изменяясь и развиваясь сами. Современная ситуация на рынке труда характеризуется изменениями условий взаимоотношений между работниками и работодателями. Данные изменения, прежде всего, связаны с ужесточением требований, предъявляемых к работникам, в том числе и к молодым специалистам. Среди важнейших требований можно выделить такие, как конкурентоспособность на рынке труда, компетентность, ответственность, свободное владение своей профессией, ориентация в смежных областях деятельности, способность к эффективной работе по специальности на уровне мировых стандартов, готовность к постоянному профессиональному росту, социальная и профессиональная мобильность [2].

Для того, чтобы молодые специалисты были конкурентоспособными на современном кадровом рынке, возникает необходимость создания модели психолого-акмеологического сопровождения выпускников на начальном этапе планирования карьеры. Программа психолого-акмеологического сопровождения «Непрерывный поиск перспективных сотрудников среди студентов ВУЗов», разработанная нами, направлена на помощь в решении этой проблемы, способствуя повышению адаптационного потенциала молодежи, который не только приводит социально-профессиональные характеристики выпускников в соответствие с требованиями рынка труда, но и формирует социальное поведение, адекватное внешним условиям и внутренним ресурсам личности (реализацию потенциала) [1, 2, 3].

Цель Программы – активизация внутренних ресурсов через психолого-акмеологическое сопровождение условий личностного и профессионального роста перспективных специалистов. Она включает в себя 4 этапа работы и реализуется на

протяжении всего периода обучения в ВУЗе, начиная со второго курса. Рассмотрим их более подробно.

I этап (2 курс обучения). Цель – выявить группу студентов, кто обладает потенциалом развития.

II этап (3 курс). Цель – получить объективную информацию о лично-деловом потенциале студентов, прошедших первый этап.

III этап (4 курс). Цель – проследить динамику развития участников программы. Исследуется прошлая деятельность и нынешние интересы человека.

IV этап (5 курс). Цель – эмпирическим путем закрепить выявленные потенциальные качества молодых специалистов, выработать необходимые социальные и коммуникативные навыки, понять свои слабые и сильные стороны.

Нашей основной задачей была проверка эффективности реализации данной Программы. Проверка эффективности состояла из нескольких этапов. В ее основе – проведение экспериментального исследования молодых специалистов, которые принимали участие в Программе и не принимали. Они были разделены на две группы и опрошены по ряду методик, которые позволили оценить их личностный потенциал (на выявление и развитие которого направлена Программа) как основу их конкурентоспособности.

Личностный потенциал специалиста – это система свойств личности, составляющих основу его профессионально-личностного развития и обеспечивающих соответствующий уровень достижений в профессиональной подготовке и последующей деятельности [3].

В потенциал мы включили следующие компоненты:

- *мотивационный* – это компонент, включающий в себя мотивы, которые имеют отношение к планированию карьеры и профессиональной деятельности (мотив общей и творческой активности, социальной полезности);
- *ценностный* – включает ценностные ориентации, ориентирующие специалистов на построение карьеры (профессиональные, социальные);
- *личностный* – включает личностные характеристики, ориентированные на достижение профессиональных успехов и построение карьеры (адекватная самооценка, самопринятие, конкурентоспособность);
- *социальный* – включает навыки, которые способствуют построению карьеры (социальная креативность, направленность на достижение целей);
- *волевой* – включает высокий уровень самоконтроля, центрированность на проблеме и достижении результата;
- *эмоциональный* – включает умение распознавать эмоции других людей и свои собственные, эмоциональную осведомленность;
- *интеллектуальный* – содержит элементы креативности, позволяющие рассматривать проблемы с разных сторон. Предлагать оригинальные способы их решения.

В результате диагностики компонентов личностного потенциала, нами были выявлены следующие показатели в двух группах испытуемых (см. таб. 1).

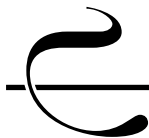

Таблица 1

**Уровень развития компонентов потенциала
(% участников с высокими показателями)**

	Участники Программы психолого-акмеологического сопровождения	Не-участники Программы психолого-акмеологического сопровождения
мотивационный	78%	54%
личностный	67%	45%
ценностный	72%	65%
социальный	78%	39%
волевой	81%	53%
интеллектуальный	65%	62%
эмоциональный	74%	61%

По данным, представленным выше, мы видим, что в группе, принимавшей участие в Программе, большая часть показателей выше. Из чего можно сделать вывод о том, что Программа «Непрерывный поиск перспективных сотрудников среди студентов ВУЗов», направленная на реализацию психолого-акмеологического сопровождения, является эффективной, поскольку позволяет развивать личностный потенциал молодых специалистов, позволяющий быть им более конкурентоспособными на рынке труда. Личностное и социальное развитие молодых специалистов в ходе реализации Программы способствуют повышению их трудовой адаптации и построению успешной карьеры.

Литература

1. Братусь Б.С. Проблемы человека в психологии. Теоретическое исследование. – М., 1988.
2. Леонтьев Д.А. Самореализация сущностные силы человека // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. – М., 1997.
3. Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода / Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Эдиториал УРСС, 1999.

Ефименко С.В.

Психолого-педагогические условия формирования
мотивации иноязычной коммуникативной учебно-
профессиональной деятельности в техническом ВУЗе

По мнению автора данной статьи одной из причин невысокого уровня владения иностранным языком будущими инженерами является низкая мотивация изучения данного предмета в техническом вузе. В статье делается акцент на том, что именно внутренние и широкие социальные мотивы лежат в основе положительной мотивации изучения иностранного языка в техническом вузе. В современной психологии недостаточно исследованы психолого-педагогические условия формирования внутренних и широких социальных мотивов иноязычной коммуникативной учебно-профессиональной деятельности в техническом вузе. Автором выделяются наиболее благоприятные условия формирования мотивации выше указанной деятельности, и осуществляется их дифференциация в соответствии с тремя категориями студентов «трудоголиками», «профессионально ориентированными» и «бездельниками».

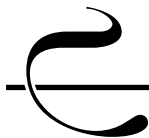
Ключевые слова: *мотивация изучения иностранного языка, внутренние и широкие социальные мотивы, иноязычная коммуникативная учебно-профессиональная деятельность студентов технического вуза, наиболее оптимальные психолого-педагогические условия, три категории студентов «трудоголики», «профессионально ориентированные», «бездельники».*

В течение последнего десятилетия благодаря Болонскому процессу, расширению профессиональных контактов, более свободному обмену информацией, распространению научной и учебно-технической литературы, издаваемой за рубежом, стало возможным взаимное обогащение специалистов разных стран, разностороннее и систематическое общение на международном уровне. Несмотря на необходимость владения немецким языком специалистами различных сфер деятельности и понимание его значимости, выпускники неязыковых вузов недостаточно хорошо им владеют. Причин, объясняющих это явление, много, но одной из основных является низкая мотивация изучения этого предмета.

Анализ исследований мотивации позволяет условно разделить их на две группы:

1) исследование различных групп мотивов, их динамики в процессе учебной и учебно-профессиональной деятельности, психолого-педагогических условий формирования положительной мотивации изучения иностранного языка в школе и вузе (Л.И. Божович, А.К. Маркова, П.М. Якобсон и др.);

2) исследование мотивационно-потребностного плана иноязычной речевой деятельности, способов стимулирования речемыслительной деятельности на

иностранном языке, факторов, влияющих на речемыслительную активность в процессе обучения иностранному языку. Решением выше указанных проблем, связанных с мотивацией иноязычной речевой деятельности, занимались следующие учёные: А.А. Алхазшвили (речевая активность на иностранном языке), Н.В. Витт (эмоциональная регуляция речевого поведения), Е.И. Пассов (коммуникативная мотивация), Р.П. Мильруд (мотивация речемыслительной деятельности), Н.М. Симонова, Е.Н. Савонько (мотивы изучения иностранного языка), Р.Т. Фульга (речемыслительная активность, самооценка и тревожность), Д.Х. Хасанбаева (когнитивные механизмы формирования мотивации речевых действий).

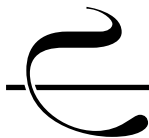
Мотивация изучается в самых разных аспектах, в связи с этим данное понятие трактуется по-разному. Так, исследователи определяют мотивацию и как один конкретный мотив, и как единую систему мотивов, и как особую сферу, включающую в себя потребности, цели, мотивы, интересы в их сложном переплетении и взаимодействии. Мотивация определяется так же, как побуждения, вызывающие активность организма и определяющие её направленность [3]. Однако проблема формирования мотивационного плана иноязычной речевой деятельности недостаточно исследована, что проявляется в отсутствии четких представлений об условиях развития мотивации иноязычной речи. В связи с этим целью данного исследования является выявление психолого-педагогических условий формирования мотивации иноязычной коммуникативной учебно-профессиональной деятельности на уровне бакалавриата в техническом вузе и определение наиболее оптимальных условий для трёх категорий студентов. Классификация студентов на три категории была осуществлена на основе методики «Мотивация обучения в вузе» (Т.И. Ильина) [4]. В ней имеется три шкалы: «приобретение знаний» (стремление к приобретению знаний, любознательность); «овладение профессией» (стремление овладеть профессиональными знаниями и сформировать профессионально-важные качества); «получение диплома» (стремление приобрести диплом при формальном усвоении знаний, стремление к поиску обходным путём при сдаче экзаменов и зачётов). Студенты, набравшие больше всего баллов по первой шкале, являются студентами первой категории, которая условно названа нами как «трудоголики». Следовательно, студенты второй категории, которых мы называем «профессионально ориентированные», набрали самое большое количество баллов по шкале «приобретение знаний». Третья категория студентов – «бездельники» – учатся в техническом вузе только ради диплома. В эксперименте принимали участие студенты III и IV курсов Таганрогского технологического института Южного федерального университета, объём выборки составил 75 человек, по 25 человек в каждой категории.

На основе составленного нами опросника «Диагностика мотивов изучения иностранного языка в техническом вузе» мы попытались определить уровень сформированности внешних и внутренних мотивов у вышеуказанных

трёх категорий студентов. Опросник «Диагностика мотивов изучения иностранного языка в техническом вузе» был проверен нами на ретестовую надёжность при помощи коэффициента произведения моментов Пирсона и группой независимых экспертов на содержательную валидность [1]. На основе полученных результатов можно сделать вывод о том, что у «трудооголиков» уровень сформированности внутренних мотивов достаточно высокий ($M_{25} = 14$ баллов (Maximum = 15 баллов)). У «профессионально ориентированных» уровень сформированности внутренних мотивов можно характеризовать как средний ($M_{25} = 12$ баллов (Maximum = 15 баллов)). Что касается «бездельников», то у них уровень сформированности внутренних мотивов достаточно низкий ($M_{25} = 5$ баллов (Maximum = 15 баллов)). Что касается уровня сформированности внешних мотивов, что самый высокий уровень у «бездельников» ($M_{25} = 13$ баллов (Maximum = 15 баллов)). У «трудооголиков» ($M_{25} = 5$ баллов (Maximum = 15 баллов)) и «профессионально ориентированных» ($M_{25} = 14$ баллов (Maximum = 15 баллов)) уровень сформированности внешних мотивов довольно низкий и в основном преобладают широкие социальные мотивы.

Учитывая особенности мотивов изучения иностранного языка в техническом вузе и ведущие положения дифференцированного обучения внутри группы [5], мы считаем, что для «трудооголиков» необходимо создать психолого-педагогические условия, которые бы поддерживали сформированность внутренних мотивов на достаточно высоком уровне. Это – коммуникативная направленность заданий, выполнение заданий повышенного уровня сложности, обеспечение профессионально ориентированного предметного плана иноязычной речевой деятельности, организация совместной иноязычной коммуникативной учебно-профессиональной деятельности, подготовка творческих работ и проектов [2, 5]. Что касается «профессионально ориентированных», то для поддержания среднего уровня сформированности внутренних мотивов необходимо создавать следующие психолого-педагогические условия: создание естественных ситуаций общения на занятиях иностранного языка, стимулирование поисковой деятельности обучаемых в языковом материале, связь содержания изучаемого материала на иностранном языке со специальными проблемами, подготовка рефератов, докладов, сообщений [2, 5]. Что касается «бездельников», то у них сформировать внутренние мотивы и широкие социальные мотивы иноязычной коммуникативной учебно-профессиональной деятельности на достаточно высоком уровне довольно сложно. Однако возможно это сделать при создании следующих психолого-педагогических условий: ознакомление студентов с задачами занятия и принятие их, согласованность содержания обучения и способов его подачи с реальными возможностями и интересами студентов, развитие познавательного интереса студентов, который проявляется в интересе к процессуально-содержательной стороне деятельности [2, 5].

Литература

1. Бурлачук Л.Ф. Психодиагностика: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2005. – 351 с.
2. Воробьёва С.В. Мотивационные стратегии поведения личности при изучении иностранного языка. – Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2004. – 20 с.
3. Зимняя И.А. Педагогическая психология: Учебное пособие. – Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс», 1997. – 480 с.
4. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2008. – 512 с.
5. Якушина Л. Личностно-дифференцированный подход. // Высшее образование в России. – № 12. – 2006. – С. 131–132.

РОССИЙСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Сведения о порядке подачи публикаций

В журнале могут быть опубликованы оригинальные теоретические и экспериментальные работы по различным разделам психологии, а также обзоры отечественных и зарубежных исследований.

В редакцию принимаются материалы в электр. виде в редакторе Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать стандартные гарнитуры шрифта: Times или Arial.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство и год издания) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после отечественной. В тексте ссылка на источник делается путем указания (в квадратных скобках) порядкового номера цитируемой книги или статьи, через запятую – цитируемых страниц. Материалы для раздела «Научная жизнь» принимаются лишь в течение двух месяцев после окончания срока проведения соответствующего мероприятия (съезда, конференции, симпозиума и т.д.)

Рисунки представлять на дискете отдельными файлами в формате TIF или PCX с распечатками и перечнем подрисуночных подписей. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи.

В рубрику «Молодые ученые» принимаются статьи аспирантов объемом 4-6 страниц без оплаты.

К статье прилагаются резюме объемом не более 0,5 стр. и ключевые слова, а также сведения об авторе (фамилия, имя и отчество, ученое звание, место работы и должность, служебный почтовый адрес с индексом, телефон, фотография в электронном формате TIF с разрешением не менее 300 dpi, либо фотокарточку размером не менее 10x15 см).

Материалы, направляемые в редакцию, должны быть представлены на двух языках: русском и английском (после допуска статьи к печати).

Статьи, направленные авторам на доработку и не возвращенные в редакцию к обозначенному сроку, исключаются из портфеля редакции.

По всем вопросам публикаций обращаться по адресу:
344038, Ростов-на-Дону, пр. Нагибина, 13, ком. 243,
Редакция журнала «Российский психологический журнал».
Тел. +7(863)243-15-17; факс +7(863)243-08-05
E-mail: E-mail: rpj@psyf.rsu.ru

Научно-аналитическое издание

РОССИЙСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2010

ТОМ 7 № 1

Сдано в набор 19.02.10. Подписано в печать 26.02.10.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. – ____. Бумага офсетная. Гарнитура Муриад Pro.
Печать цифровая. Тираж 1000 экз. Заказ № ____/10.

Подготовлено к печати и отпечатано DSM Group
ИП Лункина Н.В. Св-во № 002418081. г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, 9/15.
E-mail: dsmgroup@mail.ru, dsmgroup@yandex.ru